

РЕГРЕССОР

Виталий Останин

Виталий Сергеевич Останин

Регрессор

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53851463

Аннотация

Что будет с миром, в котором процветает рабовладельческий строй, если в него попадут революционер-подпольщик и ученый с мировым именем? Века из 19-го? Классовые враги, которым нужно стать друзьями, чтобы выжить. Удастся ли им это сделать, если одним движет жажда справедливости, другим – жажда познания? И не слишком ли большой для мира окажется цена принципов первого и исследовательского зуда второго? **[i]В книге присутствует нецензурная брань![/i]**

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	39
Глава 4	56
Глава 5	73
Глава 6	90
Глава 7	107
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Виталий Останин

Регрессор

Глава 1

Обложили, суки! Легаши! Ненавижу!

Я поднял пистолет и выстрелил. Даже не с целью в кого-то попасть, а так, для остротки. Чтобы не лезли пока. Чтобы знали: я еще жив!

Выщелкнул магазин и сморщился, глядя на четыре латунных цилиндра внутри. Четыре патрона! А запасная обойма еще на десять вывалилась, когда я драпал от жандармов. Поскользнулся на мокром железе кровли и проводил глазами летящий вниз брусочек.

День с утра не задался. Что тут еще скажешь?!

А легаши подходили. Я слышал, как проминается под сапогами жестяная крыша. Три или четыре человека. Шли осторожно, наверняка выставив перед собой пистолеты. Готовые стрелять в любой момент: на шорох, на кашель, на движение. Нервы-то поди у них тоже взвинчены до предела. Не шуточки: самого Красного Янака в угол загнали! И радостно им, сукам, и страшно!

Ну, загнали, да ведь еще не взяли! Не буду мешкать и над судьбой своей горемычной плакать, так и не факт, что возь-

мут! Пока их подкрепление подойдет, пока квартал обложат по всей науке их легашеской, уже успею и этих четверых порешить, и ноги сделать. Если повезет, конечно.

Выглянул из слухового окошка, за которым присел дух перевести, и тут же обратно. Два выстрела – опоздали. Четверо их, все верно! Разошлись веером: двое центр держат, а двое с флангов заходят. Молодцы! Не спали на лекциях по тактике. И тренировки по задержанию особо опасных преступников не пропускали.

Особо опасный – это я. Янак Серт. Бомбист, революционер и личный враг его императорского высочества. Партийная кличка – Красный. Это мне товарищи за привычку много трупов оставлять придумали. Мол, море крови за тобой, Серт! Ну, что тут скажешь, есть такое. Грешен, хе-хе. А только мертвый враг не опасен. Как и мертвый свидетель. Вот и вся недолга. И иначе в нашем деле ни думать, ни поступать не стоит. Если хочешь до победы дожить.

Так что я по закону жанра злодей и преступник. А ребята с револьверами, что сейчас ко мне подбираются, – стражи закона и порядка. И если сегодня меня порешат тут на крыше или, хуже того, живым возьмут, так наутро в газетах и напишут. Задержан, дескать, опасный преступник, убийца и террорист Янак Серт по прозвищу Красный.

Железо кровельное с гулким звуком промялось под тяжелой ногой легаша. Шагах в семи-десяти от моего убежища. И сразу все стихло. Небось сейчас синезадые знаками друг

с другом обмениваются, прикидывают, как дальше действовать. Я покрепче сжал рукоять пистолета, готовясь.

Хотя злодей я, положим, только для власти и ее прихвостней. Для простого человека, работяги, который по пятнадцать часов на заводах оружейных работает, снаряды для воюющей Империи делает, я вовсе даже не враг, а вполне себе друг и защитник. Это ведь все семантика, мать ее. Угол зрения. Если победит революция и будет свергнута диктатура Империи, я народный герой, и все такое. А не выгорит, победит охранка с легашами, то и я в памяти останусь зверем, кровь людскую льющий почему зря.

Наконец, решились легаша. Совсем рядом раздался выстрел. Потом еще. И еще. Центровые подошли совсем близко, сейчас бросятся на захват. Эти двое палить будут по очереди, реденько, но так, чтобы я носа не казал, а фланговые зайдут с обеих сторон. Выстреле на четвертом-пятом, к бабке не ходи!

Четвертый!

Справа показался легаш в сером мундире и синих штанах, заправленных в высокие сапоги. Аккуратненько так шел, я и не слышал. А все равно ноги раньше показались, крыша-то со скатом! В ступню я ему пулю и всадил.

Он вскрикнул, упал, а дальше все сила тяжести сделала. Потому что физика, товарищи! Сила тяжести, ускорение. Покатило его, горемычного, по скату. До самого края. И через него вниз. Четыре этажа, а это двенадцать метров. Я да-

же смотреть не стал, сразу налево крутанулся. И вовремя.

Второй фланговый крабом растопырился и ствол пистолета на меня наводит. А те легаша, что по центру шли, еще раз стрельнули. И фланговый тоже пальнул.

Промазал? С пяти метров? Чему вас там учат в вашей охранке?! В короткой, на удар сердца, паузе между его случившимся первым и несостоявшимся вторым выстрелом нажал на спусковой крючок я. И попал легашу в живот.

Жри, сука, свинец!

Вопит!

Шестой выстрел центральных!

У них пистолеты барабанные, на шесть патронов. Армейское старье, чем там еще обычно охранку вооружают? Если стреляли по очереди, то у них по три патрона осталось. На два моих.

Рискнем?

Левой рукой сорвал с головы кепку и резко бросил ее в сторону левого. Который, кстати, до края крыши не доехал с метр. Лежал и выл противно. Но на него мы пулю тратить не будем! Заряды друзьям его предназначены.

Центровые отреагировали ожидаемо, два выстрела слились в один. И стволы, значит, в сторону качнулись. Я упал набок, вывалившись из-за слухового окошка половиной корпуса, и дважды нажал на спуск.

Учитесь, легаша! Последняя гастроль в вашем провинциальном городе! Только сегодня!

Двое упали мордами в кровлю и заскользили вперед. На меня.

А вот это не надо, еще с крыши столкнете! Напрягая мышцы живота, я убрался обратно за слуховое окошко, пропуская трупы легашей мимо. Быстро поднялся на ноги и огляделся.

Никого. Четверо, значит, все-таки. Это очень хорошо!

Быстренько убраться с крыши, покинуть квартал, к которому уже наверняка спешит подкрепление. И улизнуть из города. Вот в такой последовательности.

Выйдя на улицу, я огляделся. Тишина. Обыватели из-за стрельбы попрятались по квартирам, а легашаи еще не подошли. Оглядел себя в витрине булочной, подмигнул отражению.

Что, товарищ Янак?! Живые еще? С этими, сегодняшними, уже три десятка легашей на тот свет отправили, а сами еще коптим небо!

Отраженный стеклом я, невысокий и крепкий мужик в засаленном черном пиджачке и широких брюках, заправленных в сапоги, криво усмехнулся в ответ, блеснув металлической коронкой зуба.

«Коптим, Красный! И еще маненько покоптим! Если не будем тут любоваться друг на друга!»

Пригладив растрепавшиеся и потные волосы ладонью, я размеренным шагом направился в сторону Императорского сада. Место людное, мамочки с ребятенками гуляют, школь-

ники носятся с бумажными змеями, интеллигенты в пальто и шляпах стоят и трубки курят. Даже такой, как я, там не будет выделяться. Работяга со второй заводской смены идет, а она как раз с полчаса назад как кончилась. Путь срезает.

Я отошел от места стычки с легашами почти на квартал, когда услышал свистки и крики подоспевшего подкрепления. Оглянулся на звук и даже с любопытством понаблюдал за суетой серых мундиров и темно-зеленых шинелей – солдатиков тоже привезли для оцепления. Ну а что? Не глаза же в землю прятать? Это только лишнее внимание к себе привлекать. А так – работяга поглядел, что за шум, да и пошел себе от греха подальше. Обычное дело.

Человек я опытный. Знаю, как уходить от погони, как внимания не привлекать, оставаясь у всех на глазах. Как-никак, уже девятый год с Движением. Начинал простым бойцом, бомбистом, как легашаи говорят. Дорос до руководителя небольшой ячейки, потом таких подо мной уже с десятков ходило. Был командиром боевого отряда в столице, что и сделало меня личным врагом его императорского высочества: пристрелили по ошибке какую-то его любовницу, хотели-то его самого. И тем удивительнее с моим-то опытом и чутьем на опасность было вляпаться в банальную засаду на конспиративной квартире!

Чудом ведь ушел!

На квартире меня ждал связной и несколько новичков, которых я должен был натаскать перед одной небольшой опе-

рацией. Цурэк¹ планировали повернуть с местным банком, да не сошлись звезды. Видать, кто-то с тех новичков сухой легашеской и оказался. Иначе откуда бы им было прознать о встрече?

Я шагал по тротуарам, старательно избегая пустых переулков. Держался ближе к центру, где народу побольше. На ходу обдумывал дальнейшие действия.

Сейчас нужно было решить, куда бежать. Я склонялся к тому, чтобы из города ноги сделать. И валить куда подальше, благо Империя большая. Но не в глушь – там местные к чужакам приветливы, да приметливы. Сдадут жандармам, даже награды не потребуют. Потому как в глубинке Движение не в чести. Мы для местных угроза их темному и сытому существованию.

А в городах покрупнее и затеряться проще, и ячейки Движения всегда в наличии. Как выйти с ними на связь, я знал прекрасно, ведь большую часть знаков и тайников сам и разрабатывал. Смешно сказать, половину третьего десятка всего разменял, а уже легендой считаюсь. Не гуся зарубить! Хотя при уровне смертности в боевых группах Движения это и неудивительно.

Покрупнее, это понятно. Куда только? Не в столицу же! Хотя, стоп! А почему нет? В столице я уже с год не был, успели забыть Красного Янака. Бороду отпустить, пока добираться буду, так никто и не узнает при встрече! Столица – это

---

¹ Цурек (жарг.) – возврат. Аналог «экспроприации».

вариант. Хороший вариант!

Только деньги нужны. На дорогу, да и там на первое время. Жизнь в столице дорогая: день там – неделя здесь. Пока на ячейку не выйду, надо что-то есть и где-то спать. Да и о зимней одежде стоит задуматься. Когда доберусь, поздняя столичная осень уже настоящей зимой обернется. Здесь-то нет-нет, да и прихватывали по утрам морозцы. Даже снежок пару дней назад выпал, хорошо, стоял к обеду.

А где денег взять, когда на тебя все легаши провинциального центра охоту объявили? В банке, где же еще? Тут есть, правда, одна маленькая деталь. Цурэк мы планировали с новичками провести, а значит, легаши уже в курсе. А банков в этой провинциальной пасторали всего два: Императорский, который и хотели брать, и «Ссудный дом», где вряд ли больше десяти тысяч бумагой в сейфе лежит. Я его при планировании и не учитывал, слишком навару мало. Но чего мало для Движения, достаточно для одиночки. Мне десятка тысяч хватит и до столицы доехать, и там пару месяцев прожить, да еще и в кассу сдать останется.

Только вот на цурэк одному идти – дурное дело. Спину не прикроет никто. И отходить трудно. Словишь пулю от охранника, разжиревшего отставного унтера, и весь цурэк. Но выбора особого нет. Связка логическая очень простая: нужно быстро бежать из города в столицу, для этого нужны деньги, а деньги есть в коммерческом банке. Чего тогда думать над целью? Надо думать над способами!

«Хорошая штука – образование! – скользнула по краю мысль. – Единственная стоящая во всей прогнившей Империи!»

И ее тут же заслонила идея. Даже не так, Идея!

Что, если прямо сейчас банк на цурэк брать? Вот прямо сейчас? Легаши и солдаты меня же сейчас ловят. Ждут, что я на дно лягу. А я их удивлю. Быстренько до тайника с оружием пробегусь и сразу к «Ссудному дому»! А! Никто такого не ждет от беглеца!

– Быстро зашли и быстро вышли! – пробубнил я на мотив популярной песенки. – Быстро вышли и пошли!

Три вещи нужны подпольщику, чтобы взять банк: решимость, оружие и капля форта.

Сразу после визита к тайнику я заскочил в магазин готового платья. Там купил одежду. Ничего выдающегося, все в рамках изображаемого сословия, но чистое и новое. Короткое пальто, скроенное на манер шинели, и кепи с меховой подкладкой. Переодеваться не стал, попросив продавца упаковать покупки в бумагу. И пояснил, сияя улыбкой:

– Братуха приехал с золотых приисков! Ох и гульнем сегодня!

Тот понимающе покивал и принял от меня последние деньги.

Новую одежду я сложил в дорожный баул, взятый из тайника, припрятал его в щели между домами в паре кварталов от «Ссудного дома». И отправился на цурэк.

Банк занимал двухэтажный купеческий особняк на Лесном спуске. Видать, купчина, что его построил, разорился, да и продал домик. Со всей этой лепниной на фасаде, мещанскими ангелочками между окон и огромным крыльцом. Теперь тут со всем удовольствием расположился один из коммерческих банков Империи – «Ссудный дом». А что, место тихое и район престижный!

Мимо меня неспешно проехал закрытый экипаж, принадлежащий какому-то дворянину. Колесо попало в яму, и мне на сапоги и штаны полетели капли грязной воды из лужи.

«Ничего! – привычно повторил я присказку, помогающую терпеть это и многое другое. – Недолго вам осталось!»

Дом я обошел со всех сторон, изучая пути отхода. Таких обнаружилось два: через пустырь за самим банком и по переулку в половине квартала от него. Удобнее уходить переулком, правда, до него сперва требуется добежать. Что будет сложно сделать, если начнется пальба.

Я старался не выглядеть бездельником – в облике работяги это было бы подозрительно. В том же тайнике, где взял оружие, разжился кепкой и деревянной киянкой: специально в тайниках набор инструментов держал. И теперь ходил вокруг банка, постукивая по булыжникам, держа на лице самый что ни на есть озабоченный вид. Господа и легаша на такого труженика и не взглянут лишний раз. Ходит себе и стучит по булыжникам. Зачем? Мостовую, наверное, чинит! Или еще что-то полезное делает. Чем там обычно чернь за-

нята? Правильно! Созданием удобной и комфортной среды для правящего класса! Так что я для всех, кто на меня хоть взгляд бросал, был вроде муравья.

Бродил вокруг банка я около получаса. Срисовал охранника, почтенного дедка с устрашающими бакенбардами и огромным револьвером в кобуре за спиной. Он выходил покурить на улицу и, что характерно, по сторонам не смотрел. Расслабился на теплом местечке! По виду был из ветеранов. Но не солдат, рядовой состав на такую службу не брали, а унтер в отставке. Смотрелся он до того потешно, только сабли на поясе не хватало, что я дал себе зарок дедка по возможности не убивать.

Дождавшись, когда дед пойдет с перекура обратно в банк, я пристроился за его спиной. И так прошел внутрь. Охраннику вмазал в ухо рукоятью пистолета. Выхватил револьвер из кобуры и, взведя тяжелый курок, бахнул в потолок.

Отдача у дедового пистолета была мощная – мне чуть кисть не вывернуло! Зато и дыру в потолке оставил, будто картечицей бахнул.

Клерки банковские тут же уставили в меня перепуганные зенки, а в дальнем конце зала вскрикнула и повалилась на пол дама. Черт ее знает, правда сомлела или по обычаю женскому прилегла? Я не стал этого выяснять и держа два пистолета на вытянутых руках, сообщил местной публике:

– Это ограбление! Стреляю без предупреждения!

И сразу такой кураж навалился! Кровь закипела, губы са-

ми собой в безумную улыбку сложились. Люблю это дело! Не ограбления, в смысле, а чувствовать власть. Над теми, кто ее своей собственностью считает.

Всего в зале было шесть человек. Та самая дама и пятеро служащих. Клерки оказались людьми воспитанными и обученными. Я еще говорить не закончил, а они уже лапки к потолку задрали и лицами побелели. Только усики напояженные дрожат, как у тараканов, а сами без движения замерли. Я выбрал одного постарше, который на управляющего походил. Ткнул под ребро дедовым револьвером.

– Давай, дядя, открывай сейф!

Тот смешно так глазками закрутил, рот приоткрыл – ну чисто рыба, которую из воды вытащили. Но с места не сдвинулся. И пробормотал:

– Никак не можно... Ключи у управляющего...

«Вот как? Ошибся, значит?»

– А кто управляющий, рыба?

Дядька головой кивнул в сторону молодого франта. Усики, волосики, даже, кажется, бровки были у того гладко причесаны и блестели. Как и глазенки, но те от страха, не от помады.

Вот за что люблю эту публику в банках – своих у них нет! Чуть поднажми – и они готовы и мать продать, и товарища. Мерзкие людишки! Мусор!

– Иди сюда, красавчик! – поманил я его стволом. Дядьку, которого принял за главного, толкнул к барышне. – Иди ба-

бой займись! Как очнется – последи, чтоб не верещала, а то пристрелю.

И уже молодому клерку:

– Ты у нас управляющий, значит?

Франтик мелко закивал, даже, кажется, пробор его безупречный нарушился.

– Я-я. Г-гинек Горачек, – на кой-то ляд представился он.

Еще бы каблуками щелкнул, чернильная душа!

– Очень приятно, господин Горачек! – издевательски ощерился я в ответ. – Очень рад с вами познакомится! А я Янак Серт, слышал про такого? Бомбист и революционер.

– Д-да. – Бедолага побелел так, что черные его усики стали, как клякса на чистом лице.

– Ну вот и молодец! Значит, пугать тебя не надо. Живым хочешь остаться, а, Гинек?

Управляющий часто-часто закивал. Хотел он жить, красавчик. Было ему, что терять. Должность хорошую и денежную, жизнь свою красивую и сытую. Это мне терять нечего, а ему очень даже есть!

– Тогда тащи все, что у вас в сейфе накопилось.

Это была самая слабая часть моего плана. Или, правильнее сказать, той смеси наглости и куража, которой я план заменил. Работай по банку с напарником, сам бы пошел с управляющим к сейфу, а его оставил присматривать за публикой в зале. Но я был один. И тут уж не разорваться. Отпустить управляющего одного – того и гляди сбежит через зад-

нюю дверь, которая тут всяко имелаась. И пяток клерков с сомлевшей дамой одних оставлять было нельзя. Найдется кто-нибудь смелый да резвый, рванет к выходу, когда я уйду, да вызовет легашей. Потом уходи от погони да судьбу дразни.

Поэтому я решил остаться в зале, пока управляющий ходит за деньгами. А его самого застращать, чтобы мыслей о побеге не возникло. Страх – чувство хорошее, для таких, как этот франтик, основополагающее. Он же всю жизнь свою в страхе жить привык: перед родней, перед начальством, перед такими, как я, душегубами.

– Гинек, – сказал я ему проникновенно. И стволом дедовой картечицы провел от горла к пузу. – Ты только глупостей не делай. Там у задней двери мой человек стоит. Рискнешь сбежать или еще чего выкинешь – пристрелит он тебя, как собаку. Пустит пулю в живот, вот прямо сюда, и будешь три дня мучиться, прежде чем сдохнешь. А деньги принесешь – мы уйдем, и все живы-здоровы останутся. Понял меня, рыба?

Франтик кивнул и ускакал, щелкая каблуками по паркету. А я остался наблюдать за залом. Рассматривал перепуганных людишек и размышлял. Последствия хорошего образования, такой грешок. Думаю, много.

Вот зачем они вообще живут? Какой смысл в их существовании? Я не как обвинитель спрашиваю – понять хочу. Сами-то они вот понимают? Жизнь же, как у белки в колесе, по кругу и без остановки. Утром встают и бегом на службу.

В присутствии или вот как здесь, за конторкой, до темноты отстояли, и домой. Лет в двадцать пять девицу с такого же семейства мещанского в жены взяли, к тридцати уже детворы настрогали, а к пятидесяти удар или желудочная болезнь. Помрут – слова доброго про них никто не скажет. Даже дети. Те слишком заняты будут грызней за наследство. И вот какой смысл?

У работяги, положим, жизнь такая же точно, разве что темнее и беднее. Но у них выбора нет. А у этих есть! Они же в гимназии ходили, грамоте обучены. Должны же представление иметь, что жизнь – это не только беготня по кругу. Вот детьми были – неужто не мечтали о подвигах и приключениях? Почему выросли и сами себя на такое обрекли? Загадка!

Вернулся франтик и поставил передо мной на конторку тяжелый черный саквояж с латунными застежками.

– Вот, – выдохнул он устало. Торопился, видать. – Тут восемь тысяч. Больше в сейфе нет.

А мне больше и без надобности. Для моих задач и этого за глаза. Однако на всякий случай сделал страшное и недовольное лицо. Управляющий сразу зачастил, оправдываясь.

– Вы д-должны п-понимать... Наш б-банк мало работает с н-наличностью... Рас-счеты ведутся в основном в векселях, б-бонах и ценных б-бумагах!.. Об-беспечение оборота гарантируется...

– Не пыли, Гинек! – перебил я его. Не хватало мне еще слушать про обеспечение их сделок центральным импер-

ским банком. – Ты хорошо справился. А теперь падай на пол и считай до тыщи. Умеешь до тыщи считать?

– У-умею! – кивнул тот.

– Вот и молодец! Как досчитаешь, вставай и беги легашей вызывать, а до этого лежи.

Послушный франтик бухнулся на паркет, а я, уже ко всем остальным обращаясь, крикнул:

– Все упали на пол и считаем до тысячи. Рожи от пола не отрывать! Ослушается кто – сразу пулю получит.

Как солдатики на учениях все присутствующие в зале попадали на пол. И начали считать. Вслух, вот потеха! А я спокойно вышел из банка и неторопливо двинулся к проулку. Фарт не подвел, и цурэк я провернул просто идеально. Теперь можно и уходить из города.

Только наобум действовать нельзя. Легаша, какими бы улитками ни были, а думать и действовать умели. Про налет на банк они узнают минут через двадцать, когда кто-нибудь из клерков добежит до ближайшего участка. И начнется облава уже по всем правилам: с перекрытием дорог, патрулями на железнодорожной станции и конными разъездами. С учетом их неповоротливости у меня был примерно час. И его я потратил с толком.

Добежал до свертка с одеждой. Забился в проулок и там, дрожа от холода, переоделся. Преобразившись из забитого жизнью и работой трудяги в мелкого чиновника. Переложил деньги из саквояжа в баул – нечего с приметной вещью тас-

каться. И в новом облике двинулся к вокзалу.

Я специально подгадал цурэк к вечернему поезду. Осталось только купить билет и покинуть провинциальный город за двадцать минут до начала облавы. А там сойти через три-четыре станции, несколько дней прожить в гостинице и потеряться для легашей. После чего уже можно будет ехать в столицу.

Глава 2

С незначительными оговорками мой план побега был реализован полностью. В столицу, правда, я попал не через неделю, а через две. Пришлось чуть подольше поплутать, сбивая со следа настырных легашей. Вот же втемяшилось в их головы Кровавого Янака взять! Но зато на перрон железнодорожного вокзала столицы я сошел в полной уверенности, что от хвостов избавился.

Хотя... Сколько товарищей в допросную, а потом на виселицу попали, потому что были «полностью уверены»? Помня об этом, к гостинице «Центральной» я добирался кругами. Петлял, как заяц, менял маршруты и извозчиков, заходил в кафетерии, словом, вел себя как путешественник, прибывший в столицу из провинции.

Костюм мой, как и образ, в пути здорово изменился. Если из провинциального центра уехал мелкий чиновник, то в столицу прибыл богатый купец. Тяжелое пальто с меховым воротником, под которым можно было разглядеть ручной работы костюм синего цвета. Огромная лисья шапка с падающим на спину хвостом. И блестящие черные сапоги. Наряд вышел очень привлекающим внимание, но не к персоне, а к себе самому. Он сообщал всем легашам примерно следующее: богатый провинциал. Вкуса нет, манер нет, терпения нет. А вот склочности и чувства собственной важ-

ности – целый грузовой вагон. Подходим, господа полицейские, не стесняемся!

Никто, однако, не спешил подходить и хоть как-то моей персоной интересоваться. И в «Центральную» я прибыл пусть и с задержкой на пару часов, зато со спокойной душой. И сразу же послал запрос на связь местной ячейке.

Вот чего легаша никак в толк взять не могут, так этого того, что искать Движение следует не только по городским низам, рабочим сходкам и конспиративным квартирам, но и в таких вот фешенебельных местах, как гостиница «Центральная». Оставляешь у консьержа записку «господину Церкхеру» до востребования и ждешь. Раз в день, а то и чаще связной, живущий тут же, справляется у того относительно корреспонденции. И получает среди газет и приглашений сообщение от такого, как я. Просто и действенно. Дорого только. Но на то касса Движения и пополняется от цурэка.

Весь остаток дня до вечера, я провалялся в номере. Ожидание не утомляло, с тех пор как я научился читать. Днями бы сидел с книгой под лампой, только еду подавай. В литературных предпочтениях был я, как выразился один из моих старших товарищей, человеком всеядным. Сегодня мог читать беллетристику, наслаждаясь приключениями романтического злодея Пиноти, на завтра восторгаться литературной критикой Дерлинского, а еще через день – штудировать «Аэродинамику» профессора Александра Терри. Разве что недолюбливал пьесы, считая это направление насквозь бур-

жуазным и от реальной жизни оторванным.

На сей день я заготовил себе чтиво не развлекательное, а вполне серьезное. «Паровая механика» того же Терри. Этот ученый меня поражал. Во-первых, казалось, он был сведущ в любой научной области: от астрономии до геологии. А во-вторых, писал языком простым о вещах сложных. Что для меня, человека, с грамотой познакомившегося к двадцати одному году, было очень важно.

Когда я погрузился в строчки «Паровой механики»: во все эти графики, формулы и КПД, – в дверь постучали. Сунув в книгу закладку, я подошел и открыл. В коридоре стоял мальчишка в бордовой форме посыльного. Этаким маленький гвардеец, еще бы шапку ему высокую.

– Господин Дюро? – спросил он.

– Это я.

– Вас ждут в номере «131». Это на третьем этаже.

– Кто ждет? – ничуть не удивленный приглашением спросил я.

– Господин Церкхер.

Вот так. Пока легаша рыщут по предместьям, связной приглашает меня в гостиничный номер для беседы. Используя мальчишку-посыльного.

– Благодарю.

Сунул ему мелкую монету и закрыл дверь. Прошелся по номеру, собирая вещи – вдруг не придется возвращаться? Выкинул барабан револьвера, проверяя количество патро-

нов. С утра не убавилось – шесть. Сунул оружие в карман пальто, подхватил дорожную сумку и вышел в коридор. Через несколько минут постучал в дверь с блестящими золотыми цифрами «131».

Открыл мне среднего возраста худощавый мужчина. Я не встречался с ним раньше, а потому представился:

– Дюро.

– Церкхер, – пожал он мою ладонь. – Проходите.

Правила конспирации: при первой встрече настоящими именами не назывались. Дюро был моим псевдонимом, как и Церкхер – его.

Номер связного оказался на порядок богаче моего, а ведь я, придерживаясь легенды, снял далеко не самый дешевый. Роскошный диван, тяжелые кресла, столик для газет и приглушенный зеленым абажуром электрический свет настольной лампы. От входа виднелась дверь в соседнюю комнату, вероятно, спальню.

– Садитесь, – сказал Церкхер. И сам опустился в одно из кресел. – Курите.

– Не курю, – бросил я. А в голове мелькнуло: «Если только не опиум». Пришлось сжать челюсти и прогнать предательскую мыслишку.

– Зачем в столице?

– Пришлось быстро покинуть провинцию.

– Ищите помощи?

– Ищу себе применения.

Церкхер вопросы задавал быстро, так же быстро отвечал и я. Но обтекаемо, как он и спрашивал. Это было частью проверки. Если бы один из нас оказался агентом полиции, то какие вопросы? Ничего такого мы и не говорили! Так, обменялись парой фраз.

Связной удовлетворенно кивнул и расслабился.

– Вы Серт?

– Я.

Проверка прошла успешно.

– Я вас другим представлял. Повыше.

Я пожал плечами. Бывает. Баек про меня по подполью столько ходит, удивлен, что макушкой потолка до сих пор не цепляю.

– Чисто пришли?

– Чисто. Две недели петляю. Мне нужно дело. А то мозги заржавели.

Впервые за разговор Церкхер улыбнулся.

– Всего две недели, и уже заскучали? Слышал об этой вашей особенности.

Я развел руками. Ну вот так. Терпеть не могу бездействия. Книжки – хорошее подспорье, но не абсолютное лекарство.

Связной молчал и разглядывал меня. Что он там искал? Письмена? Порой такая внимательность раздражала. Больше же частью бегущие впереди меня слухи льстили. Я рассматривал его в ответ и ждал. Наконец, мужчина проговорил:

– Завтра в два часа после полудня будьте в кафетерии «Ост». К вам подойдет человек и предложит купить вчерашнюю газету. Вы скажите, что уже все в ней прочли. Затем идите за ним.

И замолчал, продолжая пристально на меня смотреть. Не человек, а кадавр какой-то! Выдал инструкцию – и все. Намекает, что пора уходить. Я не стал расстраивать связного. Поднялся.

– Церкхер.

– Серт.

Вот так и поговорили. Спустя пять минут я уже был у себя в номере, читая Терри.

А вот ночью проснулся. Спину и плечи покрывала противная липкая влага. В глотке, напротив, было сухо. Дыхание вырывалась с едва слышным скрипом. За окном светил уличный фонарь. В холодном и тусклом его свете растворялись обрывки приснившегося мне кошмара.

Снились мои собственные руки. Оторванные взрывом и лежащие у ног. Я стоял, смотрел на них и не мог поверить в то, что вижу. В голове крутилось: «Это сон! Только сон!» – но все было так реально, что в это не особо верилось. Кровь текла из предплечий, поблескивала в красном мясе раздробленная кость. Но боли не было. Шок. Она еще не успела прийти, мозг еще не принял ее. Но скоро она навалится.

Сидя на кровати, я вытянул перед собой руки и внимательно осмотрел их. На месте. Изуродованные шрамами и

ожогами, но целые и послушные. Только убедившись в их реальности, я облегченно выдохнул.

Сон! Все-таки сон!

Это случилось со мной в самом начале карьеры подпольщика. Рванула бомба, которую мы собирали, чтобы завтра кинуть под колеса кареты одного чиновника из военного ведомства. Трех убило, двоим оторвало руки. Мне повезло – предплечье посеколо осколками и обожгло огнем. Но руки остались при мне. Зато теперь пару раз в месяц я терял их во сне. Ну и еще после того случая я стал курить опиум.

«Пара затыжек! – шевельнулась мысль. – Всего пара затыжек! И на завтрашней встрече ты будешь куда собраннее!»

Найти притон в столице труда бы мне не составило. Но я знал про себя пару вещей. Первое – не ограничусь парой затыжек, захочу больше, много больше. Чтобы отпустил хоть на краткий миг страх неудачи, терзающий меня в конце каждого дня и перед каждой акцией. И второе – нельзя позволять хозяйничать в своем теле кому-то, кроме себя.

Поэтому не без усилий я прогнал назойливый шепоток за грань восприятия, укрылся одеялом и вызвал в памяти картину моря и парусника. Белое судно стояло в дрейфе на входе в бухту. Качалось на волнах, пуская зайчиков с начищенной меди. Легкая волна тихонько целовала крутую скулу борта. Чайка кричала...

Все прошло, как и сказал связной. Ко мне подошел взъерошенный студент и предложил купить вчерашнюю га-

зету. Выслушав отзыв, кивнул и, не оборачиваясь, пошел прочь. Я поднялся из-за столика, бросив на него мелочь за горячий шоколад и булочку, и двинулся следом. Держа дистанцию шагов в пятнадцать.

Мы шли, срезая улицы проулками и меняя деловой центр столицы на рыночные ряды. Около получаса шагали. Погода была не по зимнему теплой, и я стал потеть в одежде. Шапку снял с головы и нес в руке уже давно. Наконец, студент свернул к втиснутой между двумя доходными домами одноэтажной халупе, над входом в которую криво висела вывеска. «Гадание и чтение будущего от мадам Буссола». Это, видимо, и было место нашего назначения.

Студент первый раз за всю дорогу обернулся, убеждаясь, что я иду за ним, и вошел в халупу. Я, проверившись, повторил его маневр.

Внутри пахло церковными благовониями, горячим воском, восточными специями и пылью. Подходящие запахи для заведения, в котором читают будущее по руке. От входа в глубину дома вел длинный коридор, освещенный газовыми лампами. Света было немного, но его вполне хватало, чтобы разглядеть двери по обеим стенам. Две слева и две справа. И одна по центру. Которая сейчас качнулась и на миг прижала шинель студента.

«Хорошее местечко! – про себя ухмыльнулся я. – Символичное!»

За дверью находилась большая комната. Без окон, но хо-

рошо освещенная. В домах побогаче этого и при наличии окон такую называли бы гостиной. Посередине стоял небольшой стол, за которым сидели два человека. Обоих я знал достаточно хорошо. Студента, приведшего меня, здесь не было.

«Вышел через заднюю дверь». – отметил я мимоходом. Хотя двери этой и не увидел. И поприветствовал сидящих:

– Здравствуйте, товарищи.

– Здравствуй, товарищ Серг. – поднялся и протянул мне руку высокий сухощавый мужчина с узким лицом. Он походил на гончего пса, при том что был гладко выбрит и тщательно причесан, да и еще одет в военного кроя пиджак темно-синего цвета. Что-то неуловимое в движениях. Кальвин Шенк, глава Круга ячеек столицы. Скорее политик, чем революционер. Но фигура очень авторитетная в Движении.

Второй мужчина просто кивнул и остался сидеть. Работяга-доходяга, вот так я его назвал, увидев в первый раз. Мелкий, худой, будто его голодом морили с раннего детства. Одни углы. И колючие глаза. Раске. То ли имя, то ли фамилия, а то и вовсе прозвище. Никто доподлинно не знал. А выяснять не пытался. Кому охота ворошить прошлое Отца террора?

– Говорят, ты у нас заскучал? – с иронией спросил Шенк. – В провинциях?

Явный намек на то, что им прекрасно известны причины, приведшие меня в столицу.

Я без приглашения подсел к столу. Кивнул.

– Есть немного. Имеется дело?

– Имеется, – взял слово Раске.

Голос у него был противный. Ногти по стеклу. Железо по камню. Я едва удержался, чтобы не передернуться.

– По прямому твоему профилю, – не стал тянуть мой учитель. – Нужно взорвать лабораторию императорской академии наук. И убить профессора Александра Терри, лорда Долтона.

Я верил, что Терри работает над оружием. При его-то таланте! Он занялся бы этим рано или поздно. Догадывался, что Терри сделает что-то, раньше никем не виденное. Нечто такое, что заставит мир содрогнуться. И точно знал, где будет применено его новое изобретение. На фронте одной из бесконечных войн, которые вела империя. Поэтому был согласен с Шенком и Раске. Профессора Александра Терри нужно было убить. Как бы я ни восхищался этим ученым.

Движению совершенно не нужна еще одна блистательная победа имперского оружия. На ее фоне вновь взлетит мещанский патриотизм обывателей. Который не даст разглядеть сотен искалеченных ветеранов, возвращающихся с фронтов. Она зажжет сердца сопляков, и те двинутся в рекрутские центры мутной и бессмысленной волной. И главное, их ярость будет повернута в сторону таких же солдат, как и они сами. Только носящих другую форму и говорящих на другом языке. А своего настоящего врага они опять не увидят.

Дело, однако, это было непростое. Не бомбу под колеса карете бросить. Если ученый занимается оружием, значит, делает это в режиме жесткой секретности. И с настоящей охраной, куда там императорскому семейству! Это, если брать только его самого. А ведь нужно уничтожить и всю лабораторию. Которую тоже, это уж наверняка, охраняют со всей серьезностью. И не вчерашние рабочие, а натасканные волкодавы из главного управления имперской безопасности. Мне пару раз приходилось с ними сталкиваться. Звери, каких мало!

Значит, нужен был план, человек внутри окружения профессора и хорошая команда. Это только молодняк в Движении верит, что для успешной акции достаточно революционного пыла и готовности отдать жизнь за правое дело. Я-то для таких материй уже слишком тертый калач. И слишком много повидавший. На «ура!» не бегаю.

Команду мне обещали предоставить старшие. Вроде как уже даже начали собираться в столицу старые подпольщики. Долгожители, как я. Посмотрим на них. Но не мешает и самому по былым знакомцам пройтись. Криминал, например, подергать – незаменимые люди в революционных делах! Везде у них свои входы и выходы, уши и глаза, а то, что веры в наше дело нет, так это легко банковскими билетами лечится. Кто-то может морщить нос при мысли об использовании бандитов, но не я. Цель оправдывает любые поступки! Не помню уже, где прочел эти слова, но представлялись они

мне совершенно верными. Хочешь построить новый мир, в котором не будет грязи сегодняшнего? Бери лопату и вычищай дерьмо! И не бойся запачкаться!

Планом стоит заниматься, когда будет собрана команда. И вся информация по объекту. Оставалось найти человека из окружения ученого. Или из охраны лаборатории на худой конец. А что, они не люди? У кого-то семья имеется, мама больная или дочка любимая. А кто-то, может, золото очень любит. Всегда есть шанс найти червоточинку и надавить. Вот эту задачу я себе поставил как самую первую. И занялся ее решением сразу после встречи с Шенком и Раске. Через упоминаемый криминал.

Со столичными бандитами у меня связи были налажены. Но было это уже очень давно по их меркам. Вполне могло статься, что тогдашний «ночной герцог» уже с год червей кормит, а новый про меня ничего и не знает. Поэтому отправился я в один кабак, где мог обновить информацию. А при достаточном везении – найти нужных людей. Переделся только в одежду рабочего, которую мне принесли в заведение мадам Буссолы.

Последнюю, кстати, я так и не встретил. Интересно, а эта гадалка вообще существовала в природе?

Кабачки, вроде того, в который я направился, имелись в каждом городе империи. В них всегда была дрянная дешевая выпивка, отвратная еда и такая публика, что обеим рукам находилась работа: одну следовало держать на бумажнике,

другую – на пистолете. Зато в них всегда можно было найти информацию. И исполнителей для любого дела.

Мне сразу повезло. Едва войдя, я встретил Флоха². Бандит соответствовал прозвищу полностью: невысокий, худощавый, с лицом неприметным и волосом цвета неопределенного. Он был вхож в каждую дыру столицы, знал все и обо всем. А чего не знал сам, мог выяснить за награду или услугу.

Меня Флох не узнал. Что было немудрено даже с учетом его цепкой памяти. За прошедший год я несколько раз менял внешность: стригся, отпускал бороды, носил парики, менял одежду. Признаюсь, я даже не помнил, в каком облике виделся с Флохом в последнюю нашу встречу.

– Пивом угостить? – спросил я, присаживаясь за его столик.

Тот недовольно меня разглядывал какое-то время и, наконец, опознал.

– Красный? Ну ты и отъелся! Не откажусь.

Все недовольство исчезло с лица торговца информацией, но и радости на нем не отразилось. Что меня сразу же насторожило – платил я ему хорошо, так что он вроде должен быть доволен случившейся встречей.

Я заказал себе и ему по кружке местного пива. Свое даже пить не стал, а вот Флох отхлебал половину сразу же.

– С чем пришел?

– Ни с чем, а зачем, Флох. За информацией. Меня в городе

---

² Floh – блоха.

не было больше года, хочю понять, чем тут дышат сегодня.

– Готовишь что-то?

– Рано об этом. Говорю же, осматриваюсь...

– ...обнюхиваюсь. Да, я понял. При деньгах?

– Не бедствую.

– Отслюнявь соточку, и пойдет у нас с тобой разговор.

Цена была высокой. Очень высокой. Но я без возражений протянул ему под столом требуемую сумму. Деньги ничего для меня не значили, а вот информация требовалась больше, чем воздух. Флох принял награду и начал монотонно говорить, изредка прикладываясь к кружке. За полчаса он выдал мне такую полную сводку по столичной жизни за год, что я будто и не уезжал из города.

«Ночной герцог» и правда сменился. Но это не привело ни к каким особым изменениям в укладе жизни городского дна. Произошел небольшой дележ территорий, некоторые источники доходов поменяли хозяев, а в остальном все осталось как прежде. За одним исключением. Очень важным. Когда информатор его озвучил, я понял, почему он запросил так много. Не за информацию.

– С Движением мы больше не работаем. Это жестко решено на сходняке. Ваши беспредельничают, а шмон по нашим хатам идет. Легашаи ведь не будут разбираться, за каким интересом мы в ваших делах участвовали. Берут всех и без разговоров к стенке ставят. А если сидим ровно, не трогают. В жизнь не лезут.

– Вот как, – скривился я. – А что за беспредел?

– Ничего такого, чего ваши раньше не делали. Только взяли тут за вас серьезно. У губарей³ теперь сеть осведомителей, многие из наших. Такой договор: если шавки стучат, то серьезных мужчин не трогают. Всех устраивает.

– Понятно, – сказал я. – А ты?

– И я, – без тени смущения сказал Флох. – Но ты за мое молчание хорошо заплатил. Так что у тебя час, чтобы потеряться.

Внутри у меня все вскипело, но я удержал злость на информатора.

«Вот же сука! – подумал я. И тут же одернул себя: – А кто говорил, что бандиты готовы на все ради денег? Чему удивляться?»

– Час – это хорошо, Флох. Часа мне хватит. Благодарю за науку.

– Всегда пожалуйста, – без выражения ответил тот. И добавил: – Время пошло.

Пришлось вставать и уходить. И весь час плутать по городским кварталам, сбивая возможную слежку. Флох сказал, что час не будет обо мне рассказывать безопасникам, но не говорил, что не отследит меня с помощью шпаны и не сдаст губарям за дополнительное вознаграждение.

Вернувшись в дом гадалки, я переоделся в свою одежду и

---

³ Губари – прозвище сотрудников главного управления имперской безопасности.

отправился в гостиницу. Размышляя по пути, как обойтись без помощи криминала. Не то чтобы это было невозможно, но с ними лучше, чем без них. Теперь опираться можно только на осведомителей Движения, да и то с оглядкой. Не все работали за идею. Были и такие, что получали из рук подполья деньги. А там, где деньги – основное мерило, там и до предательства недалеко.

В гостиничном номере я положил на столик несколько листов бумаги, достал химический карандаш и стал рисовать карту. Район, в котором находилась лаборатория Терри я знал довольно хорошо и воспроизвел все по памяти. Назавтра надо будет прогуляться туда да свериться, вдруг что изменилось.

Набережная. Вдоль нее окнами к воде стояли столетней постройки дома: ведомства и службы. Академия наук, Адмиралтейство, Генштаб, Министерство охраны и государственное управление имперской безопасности. Были еще присутствия менее серьезные, но и тех, что я пометил, с лихвой хватало. Да и императорский дворец в трех кварталах всего. Полиции в том районе воз с тележкой, солдаты и губари косяками ходят. На первый взгляд, никаких шансов. Но это только на первый взгляд. Если хорошенько подумать да прикинуть, всегда можно найти способ совершить задуманное.

Плохо то, что я так по-детски вскрылся перед Флохом. Теперь и охранка, и губари знают, что Красный Янак в столице. А с моей репутацией даже тупица поймет, что приехал я не

на зимние красоты города посмотреть. Значит, охрана будет настороже, бандитов зарядят носом землю рыть, да и сами легаша начнут шерстить предместья и рабочие районы.

Плохо. И хорошо. Теперь ведь каждую бомбу на меня вешать будут. Что ни взрыв, то Красный Янак. Это можно как-то использовать. Правда, я пока не понимал, как. Но придумаю обязательно.

Пройдемся по очевидному. Понятно, что надо минимум на неделю ставить слежку в том районе. И изучать привычки каждого появляющегося там человека. От чиновника до угольщика. Составить временной график обедов, учесть праздники и гуляния, если таковые будут. Еще нужно изучить привычки самого профессора Терри. Значит, к его дому слежку тоже.

Дальше. Оружие. С этим у Движения проблем нет уже давно, но нужно уточнить у старших. Вдруг что-то изменилось, пока меня не было. Оружия и взрывчатки потребуется много.

Тут меня осенило: я вспомнил про каналы. Даже вскочил и неизвестно кому сказал:

– О!

Здания ведь стоят вдоль набережной? По сути, на воде или на топкой почве. Ох, спасибо тебе, образование! Значит, должны быть отводные каналы для воды. Хорошая и качественная канализация. Целая сеть тоннелей, если подумать! Да, там, скорее всего, решетки, замки и даже посты охраны.

Но всего этого меньше, чем на поверхности! Нужно обязательно проверить эту догадку!

Настроение сразу улучшилось. Совершенно некстати выскочила мысль: «Хорошая работа! Может, пару затяжек?»

Без труда послав ее подальше, я записал идею про тоннели и отложил карандаш. Что-то еще свербело в голове. Не зависимость, ее я уже научился различать. Какой-то упущенный факт. Но я не стал насиловать разум. Если это действительно что-то стоящее, само проявится. Так всегда бывает. Тем более что в спешке нужды нет.

«Дождемся команду, обсудим и решим».

С этой мыслью я отправился в кровать.

И примерно через час проснулся в холодном поту. Мне опять приснились оторванные взрывом руки. Но не это было главным. Я понял, как надо все сделать.

Глава 3

Взрыв вышел – загляденье! Вся столица его услышала, а многие и увидели. Жалко, что не все, но армейские склады находились на самой окраине города. Но и грохота было для моего плана достаточно. Более чем!

Акцию со своей командой я готовил восемь дней. Все, как я и планировал: слежка, графики, канализация у реки. Мы изучили все, что было возможно. И знали все о перемещении каждого сколько-нибудь значимого персонажа. Где обедают, куда отходят покурить, как реагируют на уличных разносчиков, во сколько разъезжаются по домам. Все. Но эта деятельность была, пусть и важной, но второстепенной частью плана. Главной стал взрыв складов.

Проснувшись ночью восемь дней назад, я понял, как можно использовать свою репутацию. Если легашам известно о моем прибытии в столицу, они будут землю носом рыть, чтобы меня найти. И ждать любой гадости. Я почти представлял тогда, как проходит экстренное совещание в главном управлении безопасности.

«В городе был замечен Янак Серт, господа. Тот самый Серт по прозвищу Красный. Мы ожидаем, что он прибыл в столицу с намерением совершить акт террора, но у нас нет никаких данных о том, на что будет направлен удар. Поэтому рекомендуем, господа, усилить бдительность и удвоить пат-

рули полиции. Всем раздать описание его внешности и особых примет. Довести до личного состава полиции, что данный преступник вооружен и очень опасен. При его обнаружении полицейским следует стрелять на поражение».

Ну и как такое не использовать? Оставалось лишь найти достойную цель. Что без труда сделали члены команды. Военные склады – что может быть убедительнее в качестве отвлекающего маневра? Да, подобраться к ним было ой как нелегко, потребовалась просто прорва денег, времени и сил. Двое парней, не посвященных в мои планы, были арестованы. Сам я чуть не погиб на одной ночной встрече. Но результат! Он того стоил. Тонны снаряжения, оружия и боеприпасов для армии и полиции. Все это минуту назад взлетело на воздух. Заставив легашей всего города рвануть туда, словно им пятки прижгли!

Взорвали, конечно, не все склады. Часть просто не смогли – не хватило материала. А кое-что забрали себе, изъяв из складов перед взрывом. Немного оружия, оно никогда не бывает лишним, и десять комплектов новенькой полицейской формы. Для десяти человек, которые пойдут в лабораторию профессора Терри.

Я тщательно все рассчитал по времени и заставил членов команды вызубрить хронометраж, как благодарственную молитву. В результате через пятнадцать минут после взрыва, когда все находящиеся на набережной патрули легашей свинтили на происшествие, мы их заменили. Вышли

неспешным шагом на маршрут, двигаясь по два человека. Не зная, так и не отличишь от легашеского патруля. Также неторопливо приблизились к корпусу Академии наук. И вошли внутрь. Проще простого!

Охранник на входе был один. Он едва взглянул на нас, введенный в заблуждение знакомыми шинелями, за что и поплатился. Я продефилировал мимо, развернулся и, зайдя со спины, перерезал горло.

Мои люди рассредоточились по первому этажу, проделывая то же самое со всеми, кого встретили. Каждый из них уже бывал здесь: кто курьером, принесшим корреспонденцию по ошибке, кто разносчиком пирогов. Ориентировались внутри они сносно. Только для меня внутренности здания были незнакомы. Я, конечно, составлял планы помещений, пользуясь их рассказами, но это не совсем то, что увидеть своими глазами.

Никто не оплошал, все доложили о завершении первого этапа акции. Двое остались на первом этаже, чтобы заложить взрывчатку, а в случае опасности задержать легашей. Еще двое пошли убрать пост губарей на втором этаже. Остальные направились по лестнице вниз. В лабораторию.

Она располагалась даже не в подвале, в настоящем подzemелье. Впятером мы преодолели шесть лестничных проемов, прежде чем оказались у массивной железной двери. Возле которой стояли двое унтеров в серо-зеленых мундирах безопасников.

Я предполагал, что на входе в лабораторию будет пост. Долойно не знал, никто из моих людей на нижний этаж не спускался, но догадаться о таком было несложно. Поэтому мы оказались чуть более готовы к столкновению, чем унтера. Они только вскинули короткие кавалерийские карабины, а мы уже палили из пяти стволов. С этого момента начался третий этап акции «Штурм».

Если до того моя команда действовала тихо, то теперь в том нужды уже не было. Ключей от монструозной двери у внешней охраны не было, это вышло бы совсем уж глупо со стороны губарей. Поэтому я приладил к замку заготовленную бомбу, размотал шнур на пять шагов и чиркнул зажигалкой. Пока веселый огонек мчался к взрывчатке, отбежал вместе со всеми за лестницу.

В замкнутом помещении взрыв грохнул так сильно, что мне показалось, будто из ушей пошла кровь. Проверил – ничего. И рванул прямо в дым.

Дверь взрыв выдержала, а вот замок, как я и рассчитывал, – нет. Толкнув одну из створок, мы вошли в лабораторию. Оказавшись в большом помещении с очень высокими арочными потолками. Настоящий подземный зал. Весь он был залит ярким электрическим светом, позволяющим разглядеть каждую деталь. Множество металлических столов, заваленных непонятным оборудованием, стеллажи вдоль стен, большую грифельную доску, исчерченную мелом. Странное сооружение у самой дальней от входа стены,

которое походило на раму от картины, только размером в два человеческих роста.

– Ну и что тут взрывать? – вслух произнес я. – Что из этого – оружие?

Людей я тоже заметил. Пять человек в белых халатах. Все, как один, очкарики. И среди них я узнал автора нескольких прочитанных мною книг. Александра Терри, лорда Долтона.

Раньше ученого я видел только на зернистых фотографиях в газетах. Они не могли и в половину передать его внешности. Вот как я сам его описывал группе, чтобы они понимали, кого убивать нужно только по моему приказу. Высокий, худощавый. Возрастом около сорока лет. Волосы до плеч, обычно собраны в хвост на затылке. Длинное породистое лицо. Осанка, будто винтовку к спине привязали.

А вот как он выглядел, когда мы зашли в дыму взрыва: волк в овчарне. Невозмутимый, словно все происходит по его собственному плану. Любопытный, несмотря на направленные на него пистолеты. Выше меня на голову, худой, но по движениям видно – не рохля. Глаза, спокойные и чуть насмешливые, тоже говорили: хищник. Пусть и одет в лабораторный белый халат поверх серого в крупную клетку костюма. Пусть и носит на носу смешные очки на веревочке. Хищник, просто сытый и оттого не агрессивный.

В то время, пока его коллеги суматошно махали руками и, перекрикивая друг друга, пытались понять, кто мы такие, он рассматривал нас с интересом. Будто был хозяином по-

ложения. Мне это очень не понравилось. Я шагнул вперед и указал на него стволом.

– Александр Терри?

– Да, это я, – с достоинством кивнул ученый. – А с кем имею честь, молодой человек?

Голос у него был настолько преподавательский, что я чуть было не начал оправдываться. Зашел, мол, по ошибке, а вообще, у меня сейчас лекция по философии, и я, пожалуй, пойду. Если вы не против, конечно.

– Янак Серт, – все же ответил я.

– А-а-а! – с какой-то неуместной радостью протянул он. Будто давно хотел со мной встретиться, да все мешали дела и научные открытия. – Тот самый бомбист?

Страх в нем не было ни капли. Зато ощущалось какое-то необидное для собеседника превосходство. Как у отца, который прячет улыбку, объясняя очевидные вещи сыну. И достоинство. Не напыщенное чванство наших дворян, а именно достоинство. Я в тот момент впервые понял разницу между этими двумя понятиями. И подумал, что в других обстоятельствах он бы мне понравился. Такого иметь в друзьях – большая удача.

– Тот самый! – гоня непрощенные мысли, резко ответил я. – Где оружие, над которым вы работаете, профессор?

– Оружие? – искренне удивился Терри. И припечатал, как выговор студенту сделал: – Я, молодой человек, никогда не работаю над оружием!

– Что вы говорите?! – мои губы будто самостоятельно сложились в мерзкую издевательскую улыбочку. И вытолкнули: – Ну а я зубная фея! А над чем же вы тогда работаете, профессор?

Мои люди стояли и молчали. Им этот разговор был совершенно не интересен. Только приказ стрелять. Стволы их пистолетов хищно покачивались, как кобры из императорского ботанического сада. А я медлил. Понимал, что теряю время, которое сам же отвел на акцию, но не мог словом или выстрелом оборвать жизнь человека, труды которого с таким интересом читал. Мне даже на миг представилось, что в будущем я не смогу этого делать, не слыша его голоса. Вот ведь чушь!

– Не думаю, что вы поймете! – бросил Терри. И я услышал привычные для дворянина нотки высокомерия в голосе. Ну как же! Чернь! Куда ей понять!

– А вы попробуйте!

«Что ты делаешь, Красный? Что за торг в базарный день? Стреляй, ставь бомбы и вали отсюда!»

– Вы знакомы с квантовой физикой, молодой человек? – глаза ученого презрительно щурились.

– В общих чертах, – небрежно ответил я, поведив пистолетом из стороны в сторону.

– Правда?

Это надо было видеть! Ученый с мировым именем, аристократ в черт его знает в каком поколении изменился в лице

и даже сделал пару шагов ко мне навстречу. С робкой такой надеждой, будто встретил блудного сына, но боялся спугнуть неверным движением.

– Читал ваши работы по этой теме.

А я смутился. До того нелепо, что чуть не прекратил этот фарс выстрелом профессору в лицо. А тот лишь благосклонно улыбнулся, как бы говоря: «Ну а у кого бы еще?!»

– Тогда вы должны понимать, насколько серьезный эксперимент вы сейчас прерываете! – теплое выражение его лица сменилось на яростное в долю секунды. – Немедленно покиньте помещение и закройте за собой дверь!

«Да он псих! – понял я. – Гений, но абсолютно сумасшедший!»

И такое облегчение наступило, будто я все тайны мироздания разгадал. Будто отпустила меня эта внезапно возникшая приязнь к классовому врагу. Просто псих. Стреляем, взрываем и уходим!

Но стрелять начали не мы. Наверху, там, где осталось наше прикрытие, зазвучала пальба. Еле слышная здесь, в подземелье, но вполне узнаваемая. Пистолетная. И отвечающие винтовочные выстрелы.

Мои бойцы переглянулись. Они все поняли. Шансов выжить, находясь внизу, было очень немного.

– Все наверх, – скомандовал я. – Прорываться и уходить. Взрывчатку оставить мне. Я здесь сам все закончу.

Что я с пятью чернильными крысами один не справлюсь?

К тому же это ведь была моя вина, затянул болтовню. И акция тоже моя. У ребят же имелся небольшой, но шанс прорваться.

Подпольщики молча кивнули, также молча друг с другом и со мной попрощались одними глазами и побежали наверх. Последний, совсем еще мальчишка, оставил на полу солдатский рюкзак, набитый взрывчаткой.

– И что вы собираетесь делать, молодой человек? – спросил меня ученый, вновь ставший благожелательным мужчиной.

«Что я упустил? Почему легаша к лаборатории вернулись так быстро? Они же сейчас должны в оцеплении у складов стоять! Или не легаша? Взвод охраны из Адмиралтейства?»

– Взорвать здесь все к чертовой матери! – буркнул я, отвечая не ему, а себе. Но Терри услышал.

– Дикарь, – сообщил он мне. И отвернулся к своим коллегам. То ли был такой бесстрашный, то ли не поверил мне.

Он вообще был не такой, каким я его себе представлял. Думал, пожилой аристократ и зазнайка. Ходит, голову задрав, и на лаборантов покрикивает. Или писарю книгу диктует, а тот строчит. В реальности он оказался значительно моложе. Рукава халата были грязными, словно он сам копался в механизмах неведомой машины. И вел он себя не заносчиво, хотя и странно.

«Дикарь! – повторил я про себя. Отчего-то обидевшись на такую характеристику от своего книжного героя. – Да и

плевать! Дикарь значит Дикарь! А как с вами иначе? Наде- лаете опять бомб, как тогда вон, с газом внутри. И в массо- вое производство! Солдат травить и работяг на заводах! Это не дикость?»

Походило это все на какие-то оправдания. А я ведь не дол- жен был что-то объяснять этому человеку! Он – прошлое, а я – будущее. Он все равно ничего не поймет! Даже если было бы желание объяснить.

Смерти я не боялся. Перебоялся уже. Помру, так помру. Зато дело сделаю, а это побольше значит, чем некая частная жизнь и смерть одного индивидуума.

Перестрелка наверху стала активнее, это поднялись мои спутники. На какой-то миг мне показалось, что им удастся отбиться от легашей, прорваться и уйти, но звуки выстрелов из винтовок тоже стали звучать чаще. Чаще, чем пистолет- ные. Не удастся.

«А умереть-то сегодня придется...»

Я быстро развязал узел на рюкзаке, продолжая следить за учеными. Принялся доставать коробки в упаковочной бу- маге, перевязанные шпагатом. Шесть увесистых брикетов со взрывчаткой. Этого вполне хватит, чтобы разнести здесь все. И всех. И не тратить патроны на ученых.

Те следили за мной настороженно, но паники не проявля- ли и явно не собирались убежать. Наоборот, сгруппировались у той рамы, что в дальнюю стену вмонтирована. Может, тоже не боятся смерти? И их исследования им дороже самой жиз-

ни? Как мне мои убеждения. Я бы даже зауважал за такое, но вспомнил про них кое-что. Ученый люд, он ведь вообще не от мира сего. Вроде смешные, безобидные существа, на первый взгляд к жизни совершенно не приспособленные. Но как увидишь, какие страшные вещи они творят – сразу как-то жалость с симпатией пропадает. Эти пятеро – небольшая цена за тысячи спасенных жизней.

Мысли мои явно пошли вразнос вместе с душевным состоянием. Надо было в ночь перед акцией все-таки покурить опия, поспокойнее был бы. А то загнал себя подготовкой – за восемь дней такое провернуть! Пожалуйте, результат. Попытки понять классового врага, объяснить себе его мотивы и, может быть, даже простить. Пререкания с ним, это вот, вообще, что было? Зачем?

С такими мыслями я начал раскладывать брикеты со взрывчаткой так, чтобы при взрыве они смогли обрушить стены. И заметил, как Александр Терри что-то втолковывает ученым. Те слушали его и кивали. А затем он обратился ко мне:

– Молодой человек! Предлагаю вам отпустить моих коллег. Вам ведь только я нужен, я правильно понимаю?

– Правильно, профессор, правильно, – ответил я негромко, разматывая очередной зажигательный шнур. – Только никого я не отпущу. Я же не деревня какая, понимаю все. Вынесет кто-то из ваших коллег рабочие записи, и получится, что я ничего не сделал. И без вас оружие состреляют.

Звуки перестрелки наверху стали стихать. То ли мои вырвались, то ли у них патроны кончаются. Ни первое, ни второе не сулило мне ничего доброго. Надо поторопиться. Со всем скоро тут появятся легашаи. Я стал связывать шнуры в один, чтобы запалить все разом.

– Да с чего вы взяли вообще, что мы здесь оружие делаем? – воскликнул Терри с возмущением в голосе. – Вбили в пустую свою голову какую-то ерунду!

– Говорите-говорите, профессор! – я закончил подготовку. – Это уже ничего не изменит!

После этих слов мне стало грустно и весело одновременно. Будто черту какую провел между прошлым и будущим. Грустно, что кончается жизнь, и я не увижу даже восхода того мира, за который боролся. Каким он будет? Очень хотелось бы это узнать! А весело оттого, что сделал я все как надо. И ухожу красиво, как и положено революционеру. В огне взрыва.

– Готовы? – насмешливо спросил я ученых. Они, конечно же, ничего не ответили. И полез в карман за зажигалкой.

По лестнице сверху загрохотали сапоги. Не ушли мои ребята. Легли все, свой долг исполнив. Вот и легашаи уже спускаются.

– Вы не оставили мне выбора, господин бомбист!

«Что он там лопочет, блаженный? А! Неважно! Как бы так еще время рассчитать, чтобы и легашей взрывом накрыло?»

Краем глаза я заметил, как ученый подошел к раме вплот-

ную и стал что-то на ней нажимать.

«Все-таки оружие! – пронеслась мысль. – Обманул, белая кость! Хочет меня порешить!»

До этого момента я как-то особо к объекту этому не приглядывался. Ну рама и рама! А теперь, когда Терри начал с ней что-то делать, заинтересовался.

На оружие она не походила. Не походила – и все! Просто железная конструкция: четыре толстых бруска, стянутые друг с другом здоровенными болтами. Они были покрашены черной краской. А еще в них были вмонтированы какие-то лампы, сейчас не горящие. С десяток разной толщины кабелей тянулся к небольшой коробке размером с табуретку.

– А ну отойди! – крикнул я зачем-то. Хотя обычно в таких ситуациях просто стрелял.

Терри даже не обернулся. Будто знал про меня что-то, чего я сам не ведал. Щелкнул чем-то, рычаг у пола двинул и тогда только на шаг от рамы отошел. А по поверхности конструкции забегали электрические огоньки.

– Что это? Это пушка!

– Вы бы себя послушали, молодой человек! Все, чего вы не понимаете, сразу классифицируется как опасное! Как обезьяна, простите!

Смеялся надо мной! У меня в руках пистолет, весь зал заминирован, я вот-вот отправлю его вместе с коллегами на встречу с его богом, а он смеется! Надо мной! Псих!

Огоньки забегали быстрее, сливаясь в светящийся контур,

который разгорался все ярче и ярче.

«К черту все! Пусть смеется!» – решил я и поджег шнур. Пошел к профессору, слыша, как сапоги легашей стучат уже совсем близко. Один-два пролета осталось. Шел боком, чтобы держать в поле зрения и дверь в зал, и ученых.

– А что тогда? – это глупо, но мне было очень любопытно.

– О! – возвел глаза к потолку Терри. – Мне это самому очень интересно! Я бы обязательно вам рассказал, но времени уже совсем не осталось!

Точно чокнутый! Чокнутый профессор разнообразных наук!

– Но мы сейчас все узнаем! Подходите, друзья!

Это он своим коллегам-ученым крикнул. Воодушевленным и радостным голосом. Будто не понимал, что через минуту тут все рванет, и никто уже ничего не узнает. Кроме, разве что, правды про загробную жизнь.

– Стоять на месте! – рявкнул я на ученых. И те недовольно забурчали. Ну надо же, какие смелые стали! – Двинется кто – сразу стреляю!

В этот момент в зал сунулся первый легаш – и я в него пальнул. Не попал, похоже, но он скрылся и больше не лез. Ученые при звуке выстрела дернулись и попытки бузить прекратили.

– Сейчас! – взволнованно прошептал Терри.

– Серт, сдавайтесь! – донеслось из-за двери. – Бежать вам некуда!

– А кто сказал, что я хочу бежать? – прокричал я в ответ.

Пространство внутри рамы вспыхнуло ярким белым светом. Совершенно беззвучно, я даже удивился тому, что не слышу взрыва. Белое пятно было таким ослепительным, что все в зале подняли руки, защищая глаза. Как и я.

«Да, точно оружие!»

– Ты что сделал? – закричал я. Глянул на бегущие по за-
пальным шнурам огоньки – осталось чуть меньше половины
длины.

– Получилось!.. – со священным трепетом выдохнул уче-
ный. Развернулся и пристально посмотрел на меня, будто же-
лая что-то сказать. Я и сам непроизвольно подался к нему,
словно вот-вот должен был получить ответы и объяснения.
А он с невероятной скоростью ударил меня кулаком. В че-
люсть!

– Гасите шнуры! – заорал он. И врезал мне еще раз.
Да он еще и боксер! Вот паскуда!

Сила его ударов заставила меня отступить, поплыть. В го-
лове зашумело, и белым сиянием залило все вокруг. Я не
сразу сообразил, что стою спиной в шаге от белого сияния,
а кулак ученого снова летит мне в лицо. Про пистолет в ру-
ке я успел лишь подумать, когда удар в лоб отправил меня
в центр яркого пятна. Только и смог, что выбросить руку и
схватить Терри за край халата. Дернуть его на себя. И про-
валился в свет.

Мы повисли. Естественно повисли в воздухе! Или что там

нас с профессором окружало. Света не было, но и темноты тоже. Я не видел ничего, кроме своих болтающихся в воздухе рук и ног, а также Александра Терри. Его лицо выражало полное недоумение.

«Где мы?» – хотел я спросить у него, но обнаружил, что не могу этого сделать. Потому что не дышу. И не испытываю от этого никакого дискомфорта!

«Понятия не имею! – пожал плечами ученый. – Самому любопытно!»

Понятно, что ученый этого не говорил, но такое у него было выражение лица.

«Ну, понятно, – решил я. – Мы умерли. Бомбы взорвались, и все погибли. Только вот непонятно – а остальные ученые где? И почему не один из легашей не сдох? Должно было зацепить взрывом!»

Если это загробный мир, то он мне не понравился. Я представил, что буду тут болтаться здесь вечность с молчаливым собеседником в виде профессора, и меня передернуло. Видимо, это ад. Только без чертей и сковородок, про которые так любили говорить священники.

Хотя, если подумать... А, вот, тьма и скрежет зубовой! Похоже! Хотя ни тьмы, ни звуков тут и не было.

Я попробовал пошевелить руками, будто плыву, но это не сдвинуло меня с места, только закрутило, как ветку в речном водовороте. Голова закружилась, к горлу подступила тошнота.

«Нет. Это не загробный мир. – понял я. – Иначе чего меня тошнит?»

В этот момент вспыхнул свет, настолько яркий, что прежнее сияние внутри рамы профессора показалось в сравнении с ним тусклой лампочкой карманного фонарика.

Свет скрыл все. Пропал Терри, пропал я сам. Я не просто не видел себя, но и не чувствовал тела.

И от страха заорал.

Заорал бы.

Но меня не стало.

Глава 4

Не то чтобы не стало.

Я существовал, осознавал себя, но тела не было. Как не было и времени. И я понятия не имел, сколько продлилось такое состояние. Пробовал считать, но почему-то сбивался. Цифры путались в голове, как в те времена, когда я только начал учиться счету.

А потом тело вновь появилось. Безо всякого предупреждения. Просто почувствовался вес, затем возникло ощущение рук и ног. А следом пришла боль в спине. От удара. Я понял, что упал. Не с очень большой высоты, думаю, иначе боль была бы сильнее.

Не раздумывая ни мгновения, вскочил на ноги, сжимая в руке пистолет.

«Янек Серт – человек действия!»

Осмотрелся.

Лаборатории не было. Ни каменных стен, ни металлических столов, ни странного прибора в виде рамы. Не догорал запальный шнур, не верещали ученые, не ломались в дверь полицейские. А была какая-то... бесовщина!

Пальмы. Я никогда их не видел вживую, только на афишах ботанического сада и в качестве иллюстраций в книгах. Но сразу же узнал. Пятиметровое суставчатое полено без веток, на самой верхней точке которого растут большие ярко-зеле-

ные листья. Пальмы.

«Это что?» – подумал я.

Мысли стали похожи на куриц с отрубленными головами. Целый птичник уже мертвых, но еще не понявших этого глупых тварей. Они ползали по двору, натываясь на препятствия, друг на друга. И обильно поливали все кровью.

«Это где вообще?»

Страх почти парализовал. Я так и замер в позе стрелка: ноги расставлены пошире и чуть согнуты, руки вцепились в пистолет, а глаза, широко распахнутые и намеренно безумные, не могут ни на чем сконцентрироваться.

Я стоял по щиколотку в густой зеленой траве. Посреди небольшой полянки, со всех сторон окруженной упомянутыми уже пальмами. В двух шагах от меня сидел на заднице Александр Терри, и во все глаза рассматривал окружающий мир. На лице ученого блуждала мечтательная улыбка идиота, получившего безо всяких видимых причин куль конфет.

Никого, кроме нас двоих, вокруг не было. Поляна, пальмы и палящее солнце на бледно-голубом небе.

– Мы где? – озвучил я свой главный вопрос, стараясь почему-то говорить негромко. Голос мой дрожал и выдавал рвущийся наружу страх.

– В оазисе, я полагаю! Или в джунглях.

А вот у Терри в голосе страха не было. Только искрящееся, как вино, веселье. И детское нетерпение.

У меня голова шла кругом от происходящего, но я, на-

сколько это возможно в нынешних обстоятельствах, внимательно осмотрелся на предмет угроз. И не обнаружив их – никаких, – тут же перевел ствол пистолета на ученого.

– А где этот оазис?

Дрожания в голосе поубавилось. За счет угрозы, которую я в него добавил. Понемногу я приходил в себя.

«Не в лаборатории, ладно! Но живой, это главное! Сейчас этот умник все объяснит! Он же ученый!»

Хотя до обычного сосредоточенного спокойствия мне еще было очень далеко.

– А вот на этот вопрос, молодой человек, я пока с уверенностью ответить не смогу. С равной возможностью мы можем быть где-то в южных колониях или, например, в другом мире.

Пистолет, как и прежде, не оказывал на профессора нужного воздействия. Ученый поднялся на ноги и стал осматривать пальмы, траву, небо над головой. Все что угодно, кроме смертоносного оружия в моей руке.

«Колонии! Пусть это будут колонии! – практически взмолился я, хотя и считал веру во всемогущего старца историческим пережитком. – Терри – ученый! Он изобрел прибор, который переносит, плевать, как, человека на огромные расстояния! Это удивительно, но возможно! Наверное, возможно?»

Терри сорвался с места и быстрым шагом пошел к ближайшим деревьям. Я бросился за ним – ну не стрелять же в

спину, в самом деле? Он меня сюда забросил, так что, вполне вероятно, сможет и с обратной дорогой помочь!

– Профессор! – крикнул я. И сразу почувствовав себя студентом, до того беспомощно прозвучал голос. Поморщился, стоит придумать какое-нибудь другое обращение! Господин Терри? Просто Терри? – Терри, куда вы несетесь?!

– Надо осмотреть деревья! – бросил тот через плечо. – По характеру растительности я пока не могу сделать однозначного вывода относительно нашего местоположения!

«А посмотришь на пальмы и поймешь? Ну ладно!»

Я догнал его, когда ученый чуть ли не облизывал ствол диковинного дерева. Натурально – водил по нему носом, пробовал языком похожие на волосы ворсинки, ковырял ногтем кору.

Чертыхнувшись, я стащил с себя полицейскую шинель: было очень жарко. Бросил ее на траву и тоже решил осмотреться. Несмотря на нелепость ситуации, привычки брали свое. Если оказался в незнакомом месте – изучи его. Тезис, более подходящий к городским условиям, конечно, но он годился и для джунглей. Или оазисов.

Оставив ученого обниматься с деревьями, я углубился в лес на несколько шагов, выискивая угрозы.

«Будем считать, что мы в колониях, – размышлял я, осторожно ступая по зеленому ковру. – Что я знаю о колониях?»

Если вдуматься, то ничего. Там жарко, есть пальмы и обезьяны. Последние живут на первых. А еще в колониях име-

ются кровожадные люди-дикари, все, как один, людоеды. И хищники. Тоже, надо думать, не брезгающие человечинкой. Вот и все, что я знал о колониях. Как-то не нашлось повода углубляться в эту тему.

Лес был странным. Пальмы росли довольно плотно, но не настолько, чтобы не пройти человеку. Вдобавок они были оплетены какими-то растениями, которые вились прямо по ним. Широкие листья пальм давали достаточно тени, но видимость сохранялась приличной. Шагов на сто примерно. Никаких хищников и туземцев на этой дальности я не обнаружил. Если они и прятались в пальмовом лесу, то делали это очень хорошо.

Вернувшись, я обнаружил профессора за тем же занятием, осмотром деревьев.

– Судя по внешнему виду и хорошо узнаваемым волокнам на стволе, я бы предположил, что перед нами обычный трамикарпус унитус, – пробормотал он через некоторое время. И добавил после паузы, задумчиво глядя на крону дерева: – Разве что листья имеют нехарактерную форму.

И обернулся ко мне с вопросом в глазах, будто спрашивая: «Что скажите, коллега?»

«Нет, он безо всяких вариантов, безумец!» – решил я. Ткнул его в плечо стволом. И тут же отступил на шаг, памятуя о быстрых боксерских ударах.

– Терри. Что вы сделали? Куда вы нас переместили? Ответьте!

– Вы же читали мои труды по квантовой физике, господин бомбист, – ответил он с иронией. И голову чуть набок склонил, рассматривая меня. – Вот и скажите, что произошло? Это ведь вы ворвались в мою лабораторию во время подготовки к эксперименту. Вы размахивали оружием и стреляли в охрану! Вы заложили бомбы, начисто игнорируя здравый смысл! Вот и скажите, куда мы переместились, идиот вы этакий!

На последней фразе вся эта ироничная отстраненность слетела с профессора, как луковая шелуха. Он просто вытолкнул слова мне в лицо. Что, как ни странно, немного успокоило. Точнее, человеческие эмоции ученого притушили мой собственный страх. Видимо, его ненормальность вкупе с происходящим сильно меня нервировала. А так, ну, крикнул! Тоже, наверное, боится. Понятно все.

– То есть вы сами не знаете, где мы?

– Представьте себе!

– А над чем вы вообще работали?

– Не вашего ума дело, господин бомбист! Давайте стреляйте в меня, и покончим уже с этим!

– Да не собираюсь я в вас стрелять!

– Тогда перестаньте тыкать в меня этой железкой, ради всего святого! Тоже мне, хозяин положения! Оружие у него! Помогло оно вам в лаборатории?

Я потрогал рукой скулу в том месте, куда пришелся один из ударов этого странного человека, и неожиданно для само-

го себя улыбнулся.

– Нет. Хороший был удар, кстати.

– Чемпион института по боксу, – буркнул он в ответ.

Он мне нравился, этот ученый. Я с трудом мог это признать, но нравился. Безумец он или нет, но в нем был какой-то стержень, у большей части людей отсутствующий.

– Прекращайте заниматься ерундой! Держите оружие наготове – мало ли что тут может водиться, но не направляйте в мою сторону. Это выводит из душевного равновесия!

«Вот уж не подумал бы!»

– Так и хочется сразу залепить вам апперкот! – закончил ученый. – Едва сдерживаюсь!

Я отступил еще на шаг и поднял обе руки в примирительном жесте.

– Хорошо. Понял. Мы оба взвинчены и начали неверно.

– Это вы начали неверно, господин бомбист, – махнул рукой Терри. Присел возле дерева и прислонился к нему спиной. – Какого дьявола вы заявились в мою лабораторию? Насколько я понимаю, ваше Движение преследует политические цели. Борьба с режимом, конец войне – что-то вроде этого? Чем вам не угодила наука? Ей тоже нет места в вашем новом мире равенства и всеобщего счастья?

Было в нем что-то, заставляющее отвечать на вопросы. Хотелось с ним спорить, доказывать правоту! Это раздражало!

– Мне сказали, что вы работаете над оружием.

– Господь вседержитель! Кто?

Я открыл рот и вдруг понял, что собираюсь назвать ему имена старших товарищей Движения. Да что со мной такое?! Может, пристрелить его все-таки? Как-нибудь выберусь и один!

– Я же сказал, что никогда не работаю над оружием!

– А почему бы мне вам верить?

– А зачем мне врать?! Я, в отличие от вас, политикой не занимаюсь!

Наш разговор вновь скатывался на повышенные тона. И сейчас первым это заметил профессор. Кашлянул и сменил тему. На совершенно неподходящую к ситуации.

– А где вы учились, молодой человек?

Я вскинул брови. Что за вопрос? Какое тебе дело?!

– Нет, мне в самом деле интересно! – пояснил Терри. – У вас грамотная, хоть и засоренная просторечными выражениями, речь. По происхождению вы, скорее всего, низкого сословия...

Он умело оставил паузу, которую мне пришлось заполнить.

– Родители – рабочие.

– Но образование получили, я это в собеседнике чувствую!

– Получил.

– Где?

– Да зачем вам это, профессор? – Ну вот, опять! – Терри!

Нам бы понять, где мы находимся да как выбираться будем! Мы и так с вами враги, а вы еще и исповедь затеяли!

– Ну, относительно врагов, это вы гиперболизируете!

– Что?

– Какие мы враги, говорю? Вы молодой, простите, оболтус! Введенный кем-то в заблуждение, но действующий из лучших побуждений! Борьба с войной, я это уважаю! Что до вашего справедливого желания выбраться отсюда, я с вами согласен. Но давайте действовать по порядку! Мы ничего с вами не придумаем, пока не прекратим орать друг на друга. А лучший из способов перестать воспринимать собеседника как врага – узнать его. Так где вы получали образование, Янак Серт?

Не то чтобы его доводы показались мне убедительными, но я решил не спорить. К тому же, крича друг на друга, мы точно ничего не добьемся.

– В столице. Четыре класса в реальной гимназии, а потом в Технологическом.

– Вот как? А в каком году? Я там ничего не читал у вас?

– Нет, вы ушли с кафедры за год до моего поступления. Да и я там всего два года отучился, потом бросил.

– Напрасно!

– Другие задачи стояли.

– Понимаю, – серьезно сказал он. Безо всякой подковырки, что удивительно. – Решили изменить мир?

Я пожал плечами, уходя от ответа. Говорить об этом с

ученым почему-то не хотелось. Нет, я не стеснялся своих убеждений, но трепать о них сейчас казалось неправильным. Только-только орать друг на друга перестали, а сверни в эту сторону – опять начнем. Надо и вправду учиться договариваться, если я хочу вернуться домой.

– Это нормально, – произнес Терри, не заметив моего нежелания развивать тему. – Каждое молодое поколение убеждено в ущербности современного миропорядка и жаждет его изменить. Только вот ваше делает это как-то слишком агрессивно! Все эти ваши бомбы, террор...

– Так над чем вы работали? – теперь тему сменил я. Если он намеков не понимает, будем прямо говорить.

Ученый усмехнулся. Прикрыл в задумчивости глаза. Я не знаю, как, но сразу понял, что он подбирает слова. Чтобы мне в доступных выражениях какую-то сложную вещь объяснить.

– В сухом остатке поняли вы все верно, – наконец заговорил он. – Мы действительно появились здесь в результате переноса. Где бы это «здесь» ни находилось. А перенос был осуществлен из моей лаборатории прибором, который имеет рабочее название «Тур». Это значит «дверь» на одном мертвом языке. Не думаю, что имеет смысл объяснять вам всю теоретическую базу и научные принципы работы этого прибора. Только не надо сразу вскидываться, молодой человек! Я вовсе не пытаюсь указать этим на вашу неспособность понять! Просто так уж вышло, я и сам не до конца их понимаю!

И Терри с виноватым видом развел руками, будто признаваясь в шарлатанстве.

– То есть как не до конца? – Это признание меня ошарашило. В моем представлении Александр Терри знал все и обо всем!

– Обычное дело в науке, если разобраться! – профессор издал смешок, больше похожий на кашель. – Берем неизвестную область знания и лезем туда своими неловкими руками! Кто-то гибнет в ходе экспериментов, кто-то совершает открытия.

– И этот вот перенос...

– Именно так и произошел! Догадки, немного теории, хорошее финансирование и... – тут он указал на меня: – Случай в вашем лице!

Я посмотрел на профессора, уже не зная, что про него думать. Получается, он запускал прибор в лаборатории, пока я расставлял бомбы, и не знал: сработает тот или нет? Если сработает, он спасется, если нет, его размажет взрывом по стенам. И при этом вел себя так спокойно, будто был полностью уверен в первом варианте развития событий.

Одновременно с этим меня не оставляло ощущение, что ученый чего-то недоговаривает. Чего-то очень важного, ключевого. Может, в науках я и не разбирался, как он, но чувствовать, когда мне говорят неправду, давно научился. Вопрос выживания.

Удивительного в этом ничего не было. Скорее, я бы на-

прыгся, если бы он вывалил мне все без утайки. Все-таки мы не друзья-соратники, чтобы быть откровенными. Хотя и попали в этот переплет вместе.

«Это принципиально выяснить прямо сейчас? – спросил я себя. И сам же ответил: – Совершенно не принципиально! Не хочет говорить – пусть хранит свои тайны!»

– Вы так смотрите на меня, молодой человек, словно пытаетесь решить, кто перед вами: опасный безумец или отчаянный первопроходец! – смущенно хохотнул Терри. – Я этот взгляд хорошо знаю. Он был у всех, с кем мне доводилось работать.

«По мне, так и без разницы. И те, и другие не думают о последствиях!»

Отчаянно захотелось опия. Одну или даже две трубки. Выкурить их, улечься на спину и просто смотреть на проносящиеся перед глазами иллюзорные картины. Изгнать из головы все эти вопросы: «как», «где» и «почему». Не говорить с ученым, не видеть его лжи и не придумывать, каким образом выбраться из места, куда он нас забросил...

– Что ж. Хорошо. Допустим, мы разобрались, как сюда попали. Хотя это не так. – Я замолчал и в упор глянул на Терри. – А как вернуться назад? Готовя этот эксперимент, вы думали об этом? Куда вы вообще открывали эту вашу дверь?

Тот развел руками:

– Первыми бы пошли животные. Мыши, козы, свиньи. Я не планировал отправлять человека так рано. Так что мы с

вами поневоле стали лабораторными мышами.

«Чтоб ты сдох!»

– Поэтому, молодой человек, я предлагаю заключить соглашение. Понимаю, что мы... как говорят у вас в Движении? Классовые враги? Да. И друзьями нам не стать. Но временными партнерами на период решения вопроса о возвращении домой вполне можем быть.

– Партнерами? – я прекрасно понимал, о чем он говорит, но само слово мне не нравилось.

– Товарищами, если вам угодно! Словом, мы объединим силы для возвращения. Стараясь забыть, что вы пытались меня убить и, скорее всего, уничтожили мою лабораторию.

Ученый протянул руку.

«Но я с тебя глаз не спущу!»

– А вы ударили меня, – сказал я, принимая рукопожатие.

– Да. И об этом тоже.

Первым делом мы, как выразился Терри, провели «учет имеющегося оборудования». Выгребли все из карманов и разложили прямо на траве. Чтобы понимать, на что можно рассчитывать.

Пистолет, две полные запасные обоймы к нему, трехметровый моток запального шнура, широкий охотничий нож в кожаных ножнах и старая, но надежная спиртовая зажигалка. Это мое. Никогда на акцию не брал ничего лишнего. Или того, что могло помочь легашам.

У профессора оказалось и того меньше. Химический ка-

рандаш, кусок мела и несколько смятых бумажек с записями он извлек из карманов лабораторного халата. Часы-луковицу на цепочке и дорогой даже на вид бумажник с деньгами – из пиджака. Завершали список его «оборудования» небольшие очки, висящие на шее на простецкого вида веревочке.

Что и следовало доказать: пролетарий всегда лучше готов ко всему, чем интеллигент и аристократ!

– Предлагаю пройтись по поляне и посмотреть, не ведут ли в лес тропы, – сказал Терри, когда мы растолкали имущество обратно по карманам. – И держаться лучше вместе, не разделяясь.

Я согласно кивнул, подумав про себя: «Тоже мне, наставник по тактике!» Но не мог не признать, что говорит он разумные вещи. Для оторванного от реальной жизни ученого.

Мы, не торопясь, пошли по внутреннему периметру поляны, высматривая следы людей или зверей.

– Смотрите, Серт! – Терри указал рукой на обломанные стебли травы, когда мы практически вернулись к тому месту, откуда начали. – Здесь кто-то был!

– Это я заходил в лес, – усмехнулся я. И, встретив его непонимающий взгляд, пояснил: – Вы были очень заняты изучением пальмы, поэтому не заметили.

– Вот как? Ну что ж. Тогда, боюсь, первый этап нашего плана полностью провалился. Никаких следов!

Огорченным он при этом не выглядел.

– Каков следующий этап? – из вежливости спросил я. Для

себя я последовательность действий уже определил.

Терри вместо ответа извлек из кармана часы, откинул крышку и повернул их в сторону солнца.

– Если направить часовую стрелку на солнце и угол, образованный ею и цифрой «один», поделить пополам, то линия деления будет всегда указывать точно на юг, – произнес он негромко.

Я вытаращил глаза. Из часов можно сделать компас? Последнюю фразу я, кажется, произнес вслух.

– Конечно, – ответил ученый таким тоном, будто говорил об общеизвестном факте. И добавил задумчиво: – Если мы в колониях, разумеется, а не в другом мире. С иными физическими законами. Что пока исключать рано.

Не знаю, правду он говорил или нет, но через некоторое время уверенно указал рукой в сторону и сказал, что там находится юг. Следом распределил и остальные стороны света. А я вспомнил, что читал о его этнографической экспедиции на востоке. Богатый опыт был у этого человека!

– В какую сторону света предпочтете идти, Серт?

– На юг, – без колебаний ответил я. – И не спрашивайте, почему.

– Хм. Ну что ж. С учетом того, что мы не представляем, в какой географической точке находимся, то выбор направления, я полагаю, можно отдать случаю. Решено! Пойдемте на юг! Может, нам повезет найти дорогу или речушку.

И мы отправились на юг.

Идти в пальмовом лесу было не сложнее, чем в любом другом. Знай себе шагай да смотри по сторонам и под ноги. Бурелома, как в лесах империи, здесь не имелось, земля была довольно ровной, разве что густой кустарник мешал идти быстро, цепляясь за ноги. Терри сказал, что в таких случаях туземцы используют широкие тесаки, которыми прорубают дорогу. Но у нас таких не было и приходилось просто продирается сквозь особо густые заросли или обходить их.

В пути мы в основном молчали. Было довольно трудно одновременно идти и болтать. Так, редкие фразы. И периодические замечания профессора о том, что мы отклоняемся от юга.

– Фокус правой ноги, – пояснил он, первый раз корректируя курс. – Один шаг человека короче другого. Ненамного, несколько миллиметров. Когда нет ориентиров, можно начать ходить кругами. Очень большими кругами.

В голову этого человека, похоже, были запиханы все книги мира.

Местный день понемногу клонился к вечеру. Тени в лесу стали гуще, и мы решили, что пора задуматься о ночевке. Хотелось есть и еще больше пить, но по пути нам не встретилось и маленького ручейка. Зверей тоже не было видно, по крайней мере, настолько крупных, чтобы их съесть. Порхали какие-то яркие насекомые, такие же цветастые птицы, но размером с ладонь, так что в качестве добычи рассматривать их было глупо.

Подходящего для ночевки места мы никак не могли обнаружить. Лес был совершенно одинаковый, а мы прошагали уже несколько километров. Когда я уже хотел предложить остаться там, где стоим, Терри тронул меня за руку и сказал:

– Слышали?

– Что? – отреагировал я поднятием пистолета.

– Какой-то странный шум. Очень знакомый, но никак не могу сообразить...

Я вслушался. Шорох листьев, назойливое щебетание птиц и какой-то едва различимый гул. Звук действительно был удивительно знакомый. Я пожал плечами и сказал:

– Гул какой-то.

– Да-да! Именно гул! – оживился профессор. – Я уже боялся, что слух меня подводит! Похоже на звук морского прибоя.

Я кивнул. Да, это возможно. На море я был всего раз, но навсегда запомнил его характерный звук. Правда, не мог его опознать, до тех пор пока Терри не сказал.

– Идемте, Серт! – ученый выглядел возбужденным. – Если впереди море, это очень хорошо! Большая часть поселений строится на побережье!

Глава 5

Каждый раз зависть брала, когда видел его жизнерадостность! За один день он едва не был убит в своей лаборатории, затем неизвестно как попал неизвестно куда и теперь топал по пальмовому лесу в компании со своим несостоявшимся убийцей. Заключив с ним договор о сотрудничестве. Меня бы такое надолго выбило из колеи. Да, в общем-то, и выбило, я до сих пор половина себя обычного. А этот радуется! Будто все происходящее – приключение!

Впереди действительно оказалось море. Мы вышли к нему примерно через час. Вот-вот должно было начать темнеть, когда лес, наконец, поредел, а едва слышимый гул стал основным звуком. Потом пальмы расступились, и мы оказались на берегу.

Горячий и влажный ветер. Ровная, как стол, каменистая почва и обрыв. За которым все свободное пространство было заполнено сине-зеленой водой. И погружающимся в нее солнцем.

Мы осторожно приблизились к краю и посмотрели вниз.
– Метров двадцать-тридцать! – поделился наблюдением Терри.

Я согласно кивнул. Не меньше. Под нашими ногами земля резко обрывалась и уходила вниз, к мокрым камням и бьющимся о них волнам. Но так было не везде. А то бы мы ис-

кали возможность выйти к морю до морковкина заговенья. Метрах в трехстах слева от нас возвышенность полого уходила под уклон и заканчивалась небольшим пляжем. На песке которого лежала большая лодка.

– Что это?

Ученый напялил на нос очки.

– Не могу разглядеть. Похоже на какое-то судно, – наконец сообщил он. – Давайте подойдем поближе.

При приближении лодка превратилась в корабль. В очень странный корабль, я таких никогда не видел. Метров тридцать, а то и все сорок в длину, шириной вряд ли больше семи-восьми и безо всяких палубных надстроек. То есть, натурально, огромная лодка. Даже весла, кажется, имелись. И люди. Отсюда уже можно было разглядеть, как десятка два крохотных, как муравьи людей, сновали вокруг судна.

Заметив их, я сразу же присел. Так же поступил и мой спутник.

– Похоже на галеру, – шепотом поделился профессор. Хотя люди с корабля не услышали бы нас, даже если бы он говорил в полный голос. – Не думал, что в наше время они еще где-то используются.

Мне это название ничего не сказало. Больше интересовал не тип корабля, а его странное положение на берегу: он будто завалился на один из бортов.

– В шторм попал?

– А вот тут вы не правы, Серт. Суда такого типа считалось

вполне обычным вытаскивать на берег. Думаю, его команда так и поступила. И теперь готовится к ночевке.

– Пойдем к ним?

– Понаблюдаем?

Мы сказали это одновременно. Ученый сделал знак рукой, мол, высказывайтесь.

– Мы не знаем, кто они такие и как себя поведут, – озвучил я свои аргументы. – Может, они людоеды!

Терри некоторое время смотрел на меня очень серьезно, а затем прыснул.

– Людоеды, Серт? Seriously?

Не показывая неловкости, я пояснил:

– Если мы в южных колониях...

– Господь всемогущий, молодой человек! Ритуальный каннибализм практикуется только у диких первобытных племен! А это мореходы!

Он сделал небольшую паузу, после которой добавил:

– Впрочем, это не значит, что эти, кхм, мореходы не представляют для нас опасности. Вспомнить хотя бы наш славный имперский флот... Согласен. Давайте наблюдаем.

Обзор с нашей позиции был пусть и не самым хорошим, но и нас моряки заметить не могли. Так что мы не стали искать места получше. Тем более что большую часть активности вокруг корабля все же могли рассмотреть. И пока ничего пугающего не наблюдали. Людей над костром не жарили, как высказался со смешком Терри. Шутник!

Их было чуть больше двадцати человек. Из-за постоянных перемещений и того, что моряки частенько скрывались за бортом корабля, я не мог сосчитать точно. Обычные люди: невысокие, смуглые, черноволосые. У многих были бороды, некоторые носили яркие платки. Одеждой большинству служили широкие светлые штаны. Обувь и рубах ни на ком не было. По погоде одеты были, в отличие от нас.

Деятельность их была до того мирной, что я даже подумал, что действительно можно было бы выйти и попросить помощи. Двое собирали по берегу топливо для огня, еще двое занимались костром и висящим над ним котлом. Несколько человек бродили вокруг корабля, надо полагать, ища признаки течи. Примерно половина команды просто отдыхала: сидели или лежали прямо на песке.

– Я не вижу у них оружия, – шепнул я ученому. Тот кивнул.

Хороший знак. Это могло значить, что жизнь здесь очень мирная. Или...

Слева что-то хрустнуло. Ветка, засохший лист – неважно! Не думая, я упал набок и направил в сторону звука пистолет. Замер. С минуту ничего не происходило, затем из леса вышли люди. Четверо моряков. И оружие у них имелось. Какие-то сабли, которые они держали очень уверенно.

«У них есть дозоры! Поэтому остальные безоружны!»

Между нами было метров шесть-семь, и я подумал, что успею перестрелять всех четверых, прежде чем они добегут

до нас со своими железками.

– Серт. – профессор тоже видел моряков. – Серт, вы же не начнете стрелять?

– Только, если они не начнут нас резать, профессор!

Один из четверки сделал шаг вперед и что-то крикнул. Властно так! Еще и тесаком своим на меня указал. Язык был незнакомым, но тут перевод и не требовался. Таким тоном говорят только: «Бросайте оружие и сдавайтесь!» Я слышал это достаточно часто, чтобы не перепутать.

– А хрена вам! – сообщил я морякам. И зубы оскалил, чтобы не было непонимания.

– Зачем вы всегда все ведете к конфликту?! – возмутился ученый. Держа руки на виду, поднялся. И начал говорить.

Если я понял правильно, он повторял одни и те же слова на разных языках. И то потому, что один раз произнес на родном для меня.

– Мы мирные люди. Нам нужна помощь.

Вот, что он говорил. Как по мне, так не самая лучшая идея. Нет, мы, конечно, люди мирные, а они?

Моряки слушали его, их старший после каждой фразы отрицательно мотал головой. Не понимает, мол. Затем ему надоело, и он шагнул ближе. Его люди тоже двинулись. А я выстрелил.

Не люблю недосказанности. Из-за нее у людей появляются неправильные мысли. Которые приводят к неверным выводам. А от этого они склонны совершать глупые поступки.

Так что я выстрелил главному под ноги. Дичь кусачая и злобная, понятно?

Тот вздрогнул и отступил на шаг. Посмотрел на мой пистолет и песок у себя под ногами. Поднял руку, останавливая своих людей. То есть сделал правильный вывод. Правда, следующий его поступок был странным. Он обернулся в сторону леса и свистнул.

– Культурный контакт вы мне сорвали, Серт, – без сожаления заметил Терри, смещаясь мне за спину.

«Шутишь! Молодец! Крепкие нервы!»

– И мне кажется, он вызвал подкрепление.

Профессор оказался прав. Подкрепление. Только какое-то странное: из лесу вышел всего один человек. Чернокожий, видел таких в цирке. Высокий, широкоплечий и практически голый. На поясе у него имелась набедренная повязка. В руке он держал длинный посох. Настоящий дикарь-людоед. Увидев его, я понял, что именно так их себе и представлял.

– Не очень впечатляющая подмога, – сказал я.

Черный человек глухо произнес одно слово и ткнул посохом в землю. Кивнул морякам и, скрестив ноги, сел на землю. Мол, я свое дело сделал. А те направились к нам. Спокойно, будто пистолет в моей руке их больше не пугал.

«Ну ладно! Вас предупредили!»

Я навел ствол на живот моряка... Точнее, попытался навести ствол на моряка, но не смог этого сделать! Не смог по-

шевелить ни пальцем, ни головой, даже моргнуть и согнать севшую на ресницу мошку! Пистолет как смотрел в землю, так и не сдвинулся ни на сантиметр. А затем упал, выбитый босой ногой старшего моряка.

«Что это такое?! – возопил я, запертый в своем теле. – Так ведь не бывает! Так не бывает!»

Сознание затопила волна первобытного ужаса перед сверхъестественным. Все мои представления о мире, о логике и материализме оказались конструкциями хрупкими и были снесены этой волной. А я остался один на один с тем, чего не мог уместить в своем разуме.

В висок ударил кулак.

* * *

Очнулся я в глубоких сумерках. Щека лежала на строга-ной древесине, а перед глазами были плотно подогнанные друг к другу доски. Из чего я сделал вывод, что нахожусь на корабле.

Руки были связаны за спиной и уже успели онеметь. Голова немного болела – значит сотрясения не было. И то хлеб. В остальном же мое положение казалось неважнецким.

«Чем это он меня обездвижил?» – это был самый первый вопрос, который я себе задал, очнувшись. Не «как освободиться от веревок?» и не «кто эти люди?», а именно «что случилось?» В памяти сразу возникло ощущение беспомощ-

ности, потери контроля над телом. Это было страшно!

«Гипноз?»

Я знал об этих шарлатанах, вводящих человека в состояние транса и заставляющих того проделывать смешные вещи. Такие трюки были довольно популярны в цирках. Но я всегда считал, что это просто фокус. А то и вовсе представление, в котором якобы случайный человек из зала является помощником фокусника. А о том, чтобы оставить в сознании, но лишиться движения я даже и не слышал.

В голову упрямо лезло слово «колдун». Первое время я гнал его прочь, как объяснение бредовое и к реальности отношения не имеющее. Колдуны, ведьмы, ведуны – это не более чем побасенки для темной и необразованной деревенщины. Фольклор и сказки! Какое может быть колдовство во времена линейных кораблей и полевой артиллерии?

А с другой стороны, только колдовство и объясняло то, что со мной произошло...

Я попробовал пошевелиться и обнаружил, что могу это сделать. Руки и ноги были связаны, но, извиваясь, как гусеница, а смог перекатиться с живота на бок. И обнаружил рядом связанного Александра Терри. В отличие от меня, он сидел. Прислонившись спиной к какой-то корабельной утвари.

– Как себя чувствуете, Серт? – спросил ученый.

– Паршиво, – проскрипел я в ответ. – А где наши мореходы?

– Ужинают, я полагаю. Нас обещали покормить позже.

– Вот как? А как вы об этом узнали?

– Касан сказал. Тот крепыш, что вас ударил. И, предваряя ваш вопрос, нет, их языка я не знаю. Просто догадался по интонациям и жестам нашего пленителя.

Мы замолчали. Я хотел спросить Терри о том, как мы будем выбираться из этой ситуации, но почему-то не мог найти слов, чтобы начать. Заводить этот разговор казалось унижительным, словно он был лидером нашей группы. Чего я, понятное дело, признать не мог!

Вместо этого стал сам придумывать способы избавиться от веревок. Можно было бы перетереть их. Или добраться до кармана в штанах и вытащить лежащую там зажигалку – ее, кстати, почему-то не забрали. И пережечь! Или перегрызть веревки профессора, а он развяжет меня. Последний вариант был особенно хорош: я подпускаю охранника поближе, ударом ног вырубая его, после чего мы с Терри находим у него нож и перерезаем веревки.

«Это даже звучит как бред, Янак! – подумал я. – Даже когда вслух не говоришь!»

Закончив перебирать способы освобождения, я решил, что с меня достаточно. И обратился к ученому:

– А кто они такие, вы не догадались?

Тот некоторое время молчал. С таким видом, будто не хотел озвучивать свои умозаключения.

– Знаете, Серт, их язык мне неизвестен. Я чувствую в нем что-то знакомое, но никак не могу определить, что именно.

Я не лингвист, знаете ли, всего четыре языка знаю.

«Всего!» – хмыкнул я про себя, но перебивать не стал.

– А вот по их внешнему виду и уровню технологий, – продолжил профессор, – могу предположить, что мы имеем дело с представителями юго-восточного этноса. Согласен, это очень большое обобщение, но все, что могу! Причем, и это странно, Серт! Эти мореходы явно отстают веков на пять-семь от привычного нам востока. Когда меня тащили по палубе этой галеры, я обратил внимание на органы управления судном. И пришел в ужас! Килевой руль! Это жутчайший анахронизм! Полагаю, у них нет ни компаса, ни секстана, ни даже квадранта! Античная галера, подумать только!

Я не стал говорить, что часть его слов для меня осталась непонятной, ладно хоть общий смысл уловил. Мы на древнем корабле, подобные которому уже много столетий по морям не ходят? Что это значит? Что мы не в южных колониях? Тогда где?

– А этот их колдун! Я про такое не слышал и нигде не читал! Понятно, что гипноз, но ведь какой сильный! Обездвижил нас обоих без транса, буквально щелкнув пальцами! Удивительно!

А вот тут мне полегчало. Александр Терри, ученый с мировым именем, дал обозначение произошедшей сверхъестественной чертовщине. Гипноз. Чернокожий фокусник просто загипнотизировал нас! Непонятно, как у него это вышло, но это и неважно! Важно другое, это объяснимо! Я даже вы-

дохнул от облегчения.

Наша короткая беседа не осталась незамеченной моряками. Один из них, тот, кого Терри назвал Касаном, поднялся на палубу и сел на корточки рядом с нами. Выглядел он не агрессивно и явно пришел не для того, чтобы задать нам взбучку. Наоборот, принес еду: какую-то кашу в глиняной миске и воду в кувшине.

– Ада, – он указал на свои дары. И жестами изобразил, как ест. Очень понятно. Пожалуйте, дескать, кушать.

– Руки развяжи! – ответил я. – Как мы жрать будем?

Он догадался. По интонации, не иначе. И затеял сложную, но понятную пантомиму. Он развязывает руки, я вырываюсь и бегу, а потом вдруг замираю в нелепой позе. Затем изобразил темнокожего и показал, как тот стучит посохом.

– Он пытается донести до вас мысль, Серт, что их чернокожий колдун рядом и сразу же парализует вас, если вы попробуете бежать, – любезно разъяснил мне ужимки морехода ученый.

– Спасибо, и сам сообразил, – буркнул я. И обращаясь к Касану медленно проговорил: – Я. Не. Буду. Драться.

Каждое слово я сопровождал гримасами, которые должны были убедить нашего сторожа в моем миролюбии. А это очень нелегко, когда у тебя связаны руки! Чудо, но он понял, усадил к профессору и развязал руки мне, а потом и ему.

Я даже застонал, когда кровь хлынула в кисти. Это была боль, но настолько приятная – словами не выразить. Касан

понимающе поулыбался и придвинул миску и кувшин.

Ада.

Терри приложил руку к груди и сказал:

– Спасибо.

Моряк кивнул, после сего повторил его жест и медленно проговорил:

– Терума каси.

– Терума каси, – откликнулся ученый. Вот так вот. Пронырливый тип! Уже язык начал учить!

Мы с удовольствием поели пресную кашу и запили ее водой. В процессе ученый назвал наши имена и выучил с помощью Касана еще десятка два слов. Я же молчал, предоставив ему договариваться с нашими пленителями. Получалось у него лучше. Сам же я внимательно разглядывал Касана.

Молодой мужчина. Не старше двадцати пяти. Сперва-то я думал, что он средних лет, но понял, что обманулся из-за густой и неопрятной бороды. Невысокий, но очень мускулистый – настоящий борец! Он вел себя общительно и охотно обучал профессора новым словам. Весело смеялся и хлопал себя по коленям, когда Терри повторял какой-то звук неправильно.

По всему выходило, что были они ребятами не агрессивными, но опасливыми.

– Если я правильно понял, эти края не населены людьми, – сообщил мне Терри в одной из пауз в их разговоре. – И нас приняли за демонов. Или кого-то в этом роде. Поэтому что

никого другого тут встретить не ожидали. Они тут удивительно мистически настроены! Я уже запутался в их богах!

И вновь вернулся к разговору.

Затем совершенно неожиданно к этой милой болтовне решил присоединиться чернокожий гипнотизер. Я не слышал, как он подошел. Увидел только тогда, когда он шагнул в круг свет факела. Впервые я понял, что значит выражение «черен, как ночь». Только белки глаз и блестели.

Он положил передо мной пистолет и спросил:

– Араини?

– Спрашивает, что это, – подсказал ученый.

«А то я не понял!»

Я медленно протянул руку к пистолету, положил ладонь на рукоять и вопросительно глянул на чернокожего. Ну черт же его знает, какие там мысли в этой черной башке бродят? Вдруг он решил меня убить, как только я оружие возьму? Но тот кивнул, разрешая. И я поднял руку.

Мелькнула мысль сразу же выстрелить гипнотизеру в голову. И хрен бы он успел меня парализовать! Потом валить Касана, разрезать веревки на ногах и бежать! Но я отогнал ее как бесперспективную. В обойме, которую они не догадались извлечь, – просто не поняли, как, – было девять патронов. А моряков вокруг корабля больше двадцати. Запасные обоймы, что висели у меня в кармашках на поясе, пленители отобрать сообразили. И где их сейчас искать, непонятно.

Это в представлении полиции подпольщики только и де-

лают, что по сторонам палят! Я, между прочим, каждую акцию так планировал, чтобы случайные люди не пострадали. Иначе за что я борюсь? Говорю, за их счастье, а сам с десятков обывателей в гроб отправляю. Хотя, чего скрывать, были у нас и такие...

Да и не тянули мореходы на врагов! Теперь я понимал: они просто испугались! Ну и повели себя... соответствующе. А сейчас разобрались. Не убили, кормят и поят, языку учат. Может, и выбраться из этой дыры помогут. Поэтому имеет смысл сотрудничать.

– Оружие, – произнес я. – Убивать.

И показал. Поднял пистолет, сделал вид что стреляю, потом схватился за сердце и повалился на бок.

Чернокожий и Касим все прекрасно поняли. Покивали, о чем-то побубнили между собой. И решили, что оружие такое в моих руках оставлять не стоит. Не грубо, но непреклонно пистолет из моих рук стали забирать.

Ужасно не хотелось снова лишиться оружия. Но я понимал, что, начини я сейчас спорить и вырывать ствол, меня однозначно запишут в категорию врагов. И выпустил пистолет.

Гипнотизер убрал его в небольшую торбу за спиной, после чего скрестил ноги и сел на палубу. Ткнул в меня пальцем и спросил:

– Джаат?

– Спрашивает, демон ли ты, – снова помог профессор. И сам же ответил: – Оранжиту! Человек! Не джаат!

Чернокожий кивнул, будто и не сомневался. Потом неуловимым движением схватил меня за руку и ткнул в ладонь чем-то острым! От неожиданности я чуть по морде ему не заехал! Остановило только то, что дальше он повел себя совсем уж неожиданно. Наклонился к ладони и стал дуть на крошечную ранку. Как мамка, когда ушибешься!

В полном обалдении я наблюдал, как из пореза поднимается капелька крови. И повисает в воздухе шариком. А сам порез затягивается на глазах и исчезает. Колдун берет пальцами мою кровь, будто бусину, и убирает к себе в торбочку.

– Дак джаат, – вынес он вердикт, отпуская мою руку. – Оранжиту.

Здорово. Человеком меня признали. По крови.

Профессор пребывал в таком же ступоре, как и я. Видимо, у него появились сомнения в том, что чернокожий просто сильный гипнотизер. У кого угодно бы появились! Таких фокусов в цирке не увидишь!

Очнувшись, Терри тут же начал сыпать словами. Нашими и ихними, и вовсе мне не знакомыми. Зато общий смысл был понятен. Ученый просил показать фокус еще раз и объяснить.

– Джат? Оранжиту? – протянул он руку чернокожему.

Тот кивнул и повторил те же манипуляции, что проделал со мной. Мы вновь с большими глазами и раскрытыми ртами наблюдали за исчезающей ранкой и превращающейся в шарик капелькой крови.

Закончив, колдун неожиданно блеснул зубами и успокаивающе похлопал ученого по руке:

– Оранжиту. Яа.

«Будто кто-то сомневался!»

После ритуала, который установил нашу принадлежность к роду людскому, Касан повел нас спать. Развязал ноги, очевидно, мы теперь пользовались доверием. Изобразил интернациональное похрапывание и поманил за собой.

– Гипноз? – первым делом спросил я у Терри, когда мы шагали за моряком.

– Возможно, – очень неуверенно ответил ученый. – Может, и не было никакой раны и крови, а он просто заставил нас это увидеть. Как галлюцинации от курения опия.

Вот что за человек такой?! За всеми этими событиями я уже стал забывать о своей тяге к наркотику, а он взял и напомнил! И сразу же захотелось покурить!

Вслед за Касаном мы спустились под палубу. Он шел впереди и держал крохотный фонарь, который мало что освещал, только потеряться не давал. Балки какие-то, растянутые гамаки, в которых спали люди. Я пару раз запнулся: один раз о лавку, второй – о чье-то тело. Наконец, доведя нас до пункта назначения, он указал на скамьи.

– Может, мы лучше на воздухе? – выразил я сомнения. – Душно тут. Да и воняет!

Профессор, кивнув, принялся доводить нашу точку зрения до моряка. Тот кивал на каждое слово, но в конце вновь

указал на скамьи. Настойчиво и, как мне показалось, с раздражением.

– Ладно, – сдался Терри. – Может, у нас с наступлением ночи выходят какие-то опасные хищники? И на воздухе просто нельзя оставаться. Будем спать здесь.

– Яа, Касан! – это уже нашему проводнику. – Остаемся здесь, яа.

Я уселся на скамью и стал прикидывать, как бы уместиться на ней лежа, чтобы не упасть. И услышал вскрик профессора:

– Эй! А это зачем?

Успел лишь обернуться, и тут на меня навалился Касан и еще кто-то. Сильные, твари! Прижали к скамье и стали разводить руки в стороны. Как я ни сопротивлялся, а силы были неравные.

Затем так же неожиданно моряки перестали меня держать и отступили в сторону. Я рванул к ним, намереваясь дать по морде хоть кому-то – и плевать на все эти контакты и сотрудничество! Но добраться не сумел. Левую руку дернуло назад.

Я оглянулся и обнаружил ее вставленной в металлический браслет. Цепь от которого уходила в темноту.

– Вы в порядке, Серт?

– Да, Терри! – не скрывая бешенства, в голосе ответил я. – В полном! Меня посадили на цепь!

Глава 6

– Весла внутрь! – скомандовал Касан. И мы послушно потянули эти тяжелые бревна в трюм.

Наученный горьким опытом, я тут же ухватился двумя ладонями за рукоять и уперся ногами в пол. Галера шла на таран.

Мы попали в рабство. То есть нас приковали к скамьям и заставили каждый день ворочать неповоротливые и тяжелые весла. Неожиданным вышло знакомство с новым миром! Со второго дня пребывания все, что мы о нем знали: постоянный сумрак гребного трюма, выматывающая работа, однотипная кормежка и побои. Теперь уже не частые, а вот в первые дни, когда команда избавляла нового раба от непокорности...

Даже губари, по-моему, так не поступали.

Наши хозяева оказались пиратами. Не книжными, а вполне обычными морскими разбойниками. Они плавали вдоль береговой линии, по которой здесь и осуществлялось все судоходство, и грабили тех, на кого хватало сил. И сбегали от более сильных противников. Уже дважды на моей памяти они бросались в погоню за другими кораблями. И вот тогда приходилось туго: грести нужно было на пределе сил. Да еще получая кнутом от Касана за нерасторопность.

Удар сотряс корпус нашего корабля. Меня кинуло вперед и

ударило о весло. Не так сильно, как в первый раз, к счастью. Тогда я думал, что все ребра переломал.

– Весла наружу! – заорал Касан.

Наш пленитель оказался начальником над гребцами. И, кстати, не все они были рабами.

Кроме нас в трюме насчитывалось еще десять рабов. Забитых, молчаливых, угрюмодвигающихся, когда приказывали, и спавших, когда галера шла под парусом. Остальные сидевшие на весла люди были свободными членами команды. Они спускались в трюм, если кораблю требовалась скорость. И уходили наверх сразу же, как в них пропадала нужда.

После таранного удара свободные гребцы схватили оружие и бросились на палубу. Над нашими головами уже шел бой.

Терри принял рабство проще, чем я. Чем очень удивил. Все-таки аристократ, к такому обращению непривычный. Я ожидал от него бунта, а он послушно кивал на каждый приказ Касана. Когда спросил его об этом, ученый лишь покачал головой.

– А какой смысл здесь и сейчас показывать свой гонор, Серт? Мы же для них просто бесплатная мускульная сила. Будем вести себя не так, как они ждут, просто забьют насмерть. Или выбросят за борт. В чем тут нам выгода? Делайте то, что они требуют и наблюдайте. Учите язык, в конце концов.

Я последовал его совету не сразу. Сперва попытался действовать по-своему. Первая попытка добраться до горла Касана, когда он подошел слишком близко, закончилась неудачно: сломанный нос и два выбитых зуба. Вторая – хотел придушить его сменщика Хирама цепью, – содранной до мяса кожей на спине и несколькими часами на солнцепеке под мачтой. Третьей попытки я делать не стал. И решил послушать Терри: изображать покорность и учить язык.

Про рабство до этого этапа жизни я знал не очень много. Слышал, что в южных колониях оно процветает. Правда, там эксплуататорами были белые люди из империи, а рабами – туземное население. Кто-то из товарищей, побывавших в колониях, рассказывал, что обращались с рабами хуже, чем с рабочими у нас на заводах: морили голодом, били, насиловали. Тогда, слушая эти истории, я не особенно в них верил. Точнее, верил, но представить не мог. А вот теперь сподобился.

С палубы прямо на мое весло упал человек. Не из «наших», но такой же смуглый и черноволосый. Все лицо у него было в крови. Он отчаянно цеплялся за скользкую поверхность дерева. Я чуть прокрутил весло, и тот, соскользнув, упал в воду.

Пираты над нами не издевались. Если отстраненно взглянуть, можно даже сказать, что они были добры. Как к скотине, которую нужно кормить и давать отдых, чтобы она делала то, для чего рождена. Кнутом били, да, но опять же без

злости и желания унижить. Просто подгоняли, как им казалось, не слишком ретивых лошадок.

Делаешь свою работу – вот тебе миска распаренного зерна и мех с водой. Упрямишься, из узды рвешься – получай наказание. Могли и похвалить за хорошую работу. Как это сделал Касан после погони за кораблем-жертвой. Видимо, много наши пираты на нем награбили, раз он спустился в трюм после боя и поставил каждому рабу по кувшину с местным аналогом пива.

– Хорошо поработали, парни! – сообщил он тогда, пьяно покачиваясь. Будто у нас был выбор, и мы могли работать плохо!

К нам двоим Касан подходил частенько. И мы, вот такая странность, дружелюбно беседовали. Пират рассказывал свои истории, слушал наши. Большею частью, выдуманные – мы с Терри сразу договорились, что правду про наш мир говорить не стоит. Нашему надсмотрщику совершенно не мешало, что его собеседники сидят в цепях. Как не смущал и тот факт, что вчера он хлестал нас кнутом по спинам, принуждая грести быстрее.

Со временем это перестало волновать и меня. Надо же было как-то выяснять, куда мы попали. От других рабов бесед ждать не приходилось. А Касан же мог трепать языком часами. И с каждым днем мы понимали его слова все лучше.

Сам я бы никогда не смог так быстро научиться понимать чужой язык. А мы, судя по бороздкам на весле, которые вы-

ковыривал ногтем каждый вечер, были в рабстве уже два месяца. Но помогал Терри. У него-то опыт изучения иностранных наречий и раньше был. И он подсказывал, как правильно язык складывать при произношении, как подмечать закономерности и схожести в разных на первый взгляд словах.

Шум боя сверху стал стихать. Пираты победили и теперь добивали раненых. Нет-нет, да и взлетал в небо последний вскрик.

И с пониманием языка для нас со всей очевидностью раскрывался очень неприятный факт. Ни в каких мы не в южных колониях! Тут не было известных в нашем мире стран, даже названий таких не слышали. И никогда наши пленители не видели людей с белой кожей. Потому и приняли сперва за демонов.

Устройство профессора перенесло нас в другой мир!

Когда я понял это окончательно, чуть не придушил умника цепями. Только понимание, что без него тут станет еще хуже, меня и остановило.

– Не опускайте руки, Серт! – успокаивал меня в тот день Терри. – Да, скорее всего, это другой мир. Или другая планета. Я не знаю! Но, если подумать, у нас есть шанс вернуться! Мои коллеги по лабораторным журналам смогут повторить эксперимент!

«Только если их не размазало взрывом по стенам лаборатории!» – чуть не ляпнул я. Понял, что фактически сам отрезал себе путь домой, и раскис еще больше. С тех пор из

меня словно вынули что-то. Жрал, когда давали, греб, когда приказывали – идеальный раб!

С Терри мы даже сдружились, пока сидели на веслах. Что было, в общем-то, неизбежно. Да, я пытался его убить. Да, он забросил нас непонятно куда. И ясно, что он классовый враг, аристократ и язва, каких мало! Но мужик умный, на удивление практичный и опытный. Так что на фоне наших рабовладельцев-пиратов он для меня выглядел чуть ли не идейным соратником!

– Сдавай назад! – приказал Касан, получивший приказ сверху. Видимо, добро с атакowanego пиратами корабля уже перенесли на наш. Мы навалились на весла, и галера стала пятиться. Одновременно открывался пролом в корабле-жертве, оставленный «нашим» тараном.

Так вот и жили. Выматываясь так, что засыпали прямо за веслом. Лелея планы побега, но не имея никакого представления, как их реализовать. Подпольщик Янак Серт и светило науки Александр Терри. Рабы-гребцы на пиратском корабле в неизвестно каком мире.

– Сегодня двойная порция жратвы! – после сегодняшнего боя обрадовал Касам, привычно присаживаясь на корточки возле нашей скамьи. – Хорошую добычу взяли! Богатый купец!

Я уже практически не задумывался, воспринимая все эти «маканан сату» и «багус педоганг» как вполне понятные слова. Говорил еще не очень хорошо, но понимал сносно. А вот

Терри болтал по-ихнему, будто на родном.

– Теперь домой пойдете?

Сегодня пираты взяли на абордаж третий корабль, и награбленное добро уже грозило потопить их судно при сильном ветре.

– Да! Домой! – мечтательно улыбнулся Касан, отчего стал похож на ожидающего сладости мальчишку. – Много добычи! Богатыми людьми станем!

Грабили они небольших купцов и таких же оборванцев, как и сами, так что я с трудом представлял их богатыми. Вообще, мир, в который нас забросило, выглядел каким-то бедным. Дрянная одежда, дрянное оружие, дрянные корабли. Народ, конечно, не туземцы с южных колоний, людей не жрут, но все равно примитив. Мысли за пределы «жрать, пьянствовать и грабить» у них не выходили. Терри по этому поводу сказал, что «развитие цивилизации здесь находится на уровне восьмого-девятого века, если сравнивать с нашим».

Я немного послушал про мечты пирата о богатстве и решил плюнуть на все и вздремнуть. Положил голову на весло и прикрыл глаза. Плечи ломило от усталости, хотелось вытянуться, но где тут? Моему желанию отдохнуть не суждено было сбыться. Касан сказал то, чего я от него не ожидал.

– Гунг сказал, что заберет вас обоих в свой дом!

Тон, которым он это произнес, предполагал, что мы должны прямо сейчас начать радоваться великой чести, оказан-

ной простым гребцам. Вероятно, рабы из местных и вправду возликовали бы от такой блестящей перспективы. Слуги колдуна, подумать только!

Гунгом звали того самого чернокожего, который нас пленил. Кроме того что он был колдуном, чего Терри так и не признал, он еще командовал тут всеми. Капитан корабля.

Я в его отношении уже давно для себя решил. Колдун. Не могло быть все, что я видел, объяснено гипнозом! Не могло – и все тут! Ладно, то как он нас парализовал, и эти фокусы с кровью, их еще можно было оправдать каким-то трансом или еще чем. Но он ведь еще и лечил! После первого захваченного корабля он за три минуты срастил раненому кость и мясо! Просто водил руками вдоль раны и что-то шептал. И плоть срасталась!

Терри на этот факт отреагировал ожидаемо. «Гипноз!» И с серьезным видом понес какую-то ахинею о скрытых ресурсах организма, о способности к саморегенерации, которую Гунг пробудил, введя раненого в транс! Но как по мне, он и сам не особо в это верил. Просто уперся лбом в материалистическое восприятие мира и защищался умными словами от того, чего не мог понять.

А еще я заметил, что ученый, когда ему выпадала такая возможность, с горящими глазами наблюдает за творимой чернокожим волшбой.

– Это хорошо, – нейтральным тоном произнес профессор. – Гунг – могущественный колдун.

Раскручивал Касана на разговор. Ведь о «нашем» капитане мы почти ничего не знали. Хитрец!

– Не очень, – сморщил лицо надсмотрщик. Оглянулся по сторонам и шпионским шепотом сообщил: – Слабый стал! Сегодня в бою первые стрелы только отвел! А второй залп наших троих убил! Выдохся!

Я оживился, но виду не подал. Так и остался лежать лицом на весле. А Терри продолжил «колоть» Касана.

– Как так, выдохся? Не понимаю!..

– *Данган* у него небольшой, – продолжил сплетничать пират. – На два-три нормальных *ката*. Больше не может. Больше ката – лежит потом день, как мертвый.

Сразу два незнакомых слова. Про данган у меня сразу ассоциация пришла в духе казарменного юмора. Чушь, конечно! А вот что такое ката? Профессор же и виду не подал, продолжил управлять разговором. И когда Касан стал рассказывать, как *дангана* Гунга не хватило на *ката* лечения после боя, до меня дошло, о чем он говорил. В очень общих чертах.

Когда наш надсмотрщик, наговорившись, отправился на палубу принимать участие в дележке добычи, Терри пояснил то, о чем я и сам догадался.

– Данган – что-то вроде личного запаса силы колдуна! А ката...

– Заклинания!

– Ну, назовем их так пока, – слегка недовольно согласился

Александр. – Но важно не это!

– А что? – Что его так взбудоражило-то?

– А то, что у Гунга силы истощены, вот что! И это дает нам шанс на побег!

Я осмотрел ученого сверху донизу. Пристально так. За два месяца элегантный и уверенный в себе аристократ превратился в поджарого и грязного оборванца. С лица ушло постоянное выражение превосходства, черты заострились. Сделав светило имперской науки похожим на беглого каторжника. Серьезного такого душегуба с десятком убийств за спиной. Впечатление дополняли и развившиеся от гребли мышцы плечевого пояса. При каждом движении они ходили под кожей, как змеи.

– Что вы так смотрите, Серт? Я, по-вашему, глупость какую-то сказал?

Мы говорили на родном языке, поэтому не боялись, что нас подслушают.

– Честно говоря, да! – ответил я. – Мы в море, непонятно, где оно находится. Окружены двумя десятками пиратов с тесаками и луками. Я уж не говорю про цепи, которыми мы прикованы к скамьям! О каком побеге тут можно говорить?!

Терри растянул губы в улыбке.

– Признаться, я не ожидал такого падения духа у подпольщика с вашей репутацией! Вы же с режимом боролись сколько? Лет пять? И вас удерживали такие условности?

Я поднял руку и звякнул цепью.

– Это не условности!

– А так? – и ученый вытащил из кармана грязных клетчатых брюк, единственной оставшейся у него детали гардероба, тускло блеснувший бронзой ключ. И тут же спрятал его обратно.

У меня дар речи пропал. У него есть ключ от кандалов? Но как? Когда?

– Господи, дышите, Серт! – хохотнул Терри. – Вы меня пугаете своим красным лицом! У вас не тепловой удар?

– Как? – только и выдохнул я.

– Как, как... Спер у надсмотрщика во время одной из наших бесед. Он был пьян и не заметил.

– И давно?

– Дня три назад. Помните, после того боя?

– И молчали все это время?

– А о чем говорить, Серт?! Ключ сам по себе не дает нам ничего. Как вы верно заметили, вокруг незнакомое море и два десятка вооруженных пиратов. И чернокожий колдун с непонятными возможностями, которого вы не упомянули! Побег попросту не имел смысла! Проклятый чернокожий превратил бы нас в статуи щелчком пальцев! Но теперь, когда нам известно о его слабостях...

И он довольно прищурился.

Вот же хитрый тип! Пока он рассказывал свой план побега, я не знал, чего хочу больше: прибить его за молчание или расцеловать.

– Бежим сегодня ночью. Когда все заснут, снимем цепи. Прoberемcя к колдуну и убьем его. Заберем свое оружие – оно же у него в котомке за спиной, верно? И, как вы там революционеры говорите? Делаем ноги!

Он чуть развел в стороны руки, как бы говоря: «Ну, как вам план, Серт?»

– Вы гений!

– Мне говорили.

– Это не похвала, а ирония! Как вы думаете, далеко мы убежим от этих людей? Хорошо, мы убрали колдуна, но что дальше? Без припасов, не зная даже направления – долго мы продержимся до следующей опасности? Нет, вы молодец, Терри, это не ирония. Но план – дрянь.

– Вот как? – профессор ничуть не расстроился. – Ваши идеи? Полагаю, они есть? У вас же огромный опыт в этих вопросах.

– Есть! – я усмехнулся. Чувствуя, как возвращается в сознание раба тот самый Янак, которого прозвали Красным. – Есть!

* * *

Все прошло без сучка, без задоринки. Во вторую половину ночи, когда без задних ног спали и рабы в трюме, и корабельная команда, мы вскрыли замки на своих кандалах. Ступая тихо и дыша едва-едва, выбрались на палубу и при-

сели у борта, осматриваясь. Светила луна, такая похожая и непохожая на нашу. Ее для наших привыкших к сумеркам трюма глаз было достаточно.

Часть команды дрыхла на палубе, часть на песке возле ко- стров – кают на этом судне не было. Колдун спал в неболь- шом отдалении от всех остальных, как бы подчеркивая свой статус. А может, пираты его сами побаивались и старались без необходимости не приближаться? Плевать! Нам это бы- ло только на руку.

Караульные – два человека – стояли в отдалении, охра- няя периметр, а не внутреннее пространство. А зря, ребята! Ой, как зря! Вы еще, сволочи, не сталкивались с восстанием угнетенных масс! Ну ничего, я вам сегодня устрою знаком- ство с этим явлением.

С колдуном мы не рисковали. Слабый он там, нет – неваж- но! Исходим из того, что он самый опасный для нас человек. И действуем наверняка. Профессор остался у борта наблю- дать за караульными, а я подполз к чернокожему. Он спал на спине, что определило способ убийства. Подняв сцепленные в замок руки, я резко и с силой опустил их на горло колдуна. Целя в кадык.

Хрустнуло. Чернокожий задергался, засучил руками и но- гами, но ни вдохнуть, ни позвать на помощь не смог. Дрян- ная смерть. Человек не сразу умирает, а только теряет воз- можность дышать. Но какое-то время еще соображает. И, су- дя по налившимся кровью белкам, колдун все понял. И бо-

ролся до тех пор, пока были силы. Молча и обреченно.

Я держал его до тех пор, пока тело не обмякло. После чего приступил к обыску. Оглянувшись только на профессора и получив от него сигнал, что все спокойно.

Так, да у него все наши вещи, не только мой пистолет! Вот хомяк жадный! Ни с кем богатствами не поделился! Молодец! Уважаю таких!

Выщелкнул магазин и чуть с досады не взвыл. Эта сволочь стрелял из моего пистолета. Большую часть патронов расстрелял, два только и осталось. Убил бы гада... К счастью, у него не хватило мозгов понять, как меняются магазины, а то бы мы далеко ушли с моим планом.

Обе запасные обоймы тоже были здесь. Так что я сразу сменил почти пустую на полную. И еще одну сунул в карман. В другой убрал нож в ножнах – ремни у нас забрали, а где их сейчас искать в темноте? Все! Ко второму этапу я готов!

Он был самым тяжелым – ждать пробуждения команды. Когда караульные, мы как раз подгадали третью смену, пойдут будить моряков и рабов. До этого оставалось часа полтора. И мы с Терри провели их на носу судна.

Утро для пиратов началось неожиданно. Проснувшись и сходяв отлить, они, естественно, обнаружили своего капитана мертвым. Всполошились, забегали и только тогда заметили нас. Ожидаемо похватали свои железяки и поперли на нос. Чего я с нетерпением ждал.

– Я убил колдуна Гунга! – заорал я в полный голос. И вы-

стрелил самому резвому моряку в лицо. – И всех убью! Слушайте меня!

Когда мы шлифовали план, на последней фразе настоял ученый. Он считал, что в примитивных культурах победивший вождя мог претендовать на его место. Главное было показать пиратам изменение иерархии и дать возможность присягнуть новому главарю. Доказательством этим было бы быстрое и жестокое убийство самых верных приспешников.

Я, честно говоря, не особо в это верил. В первоначальной версии плана большую часть пиратов мы должны были перерезать во сне, а с освобожденными рабами захватить корабль.

– Убью всех, кто мне не поклонится! – орал я, чудовищно искажая слова плохо изученного языка. Но меня понимали, это главное. – Я ваш новый капитан!

Мне не то чтобы не верилось, что они меня примут. Это то как раз было очень возможно. Бандиты везде одинаковые. В нашем мире или в этом. Грохни их главного, скажи, что они теперь служат тебе – поворчат, но согласятся. Не нравилось мне другое. Как я сам буду себя чувствовать в компании людей, которые посадили меня на цепь и били плетьюми? С рабами было бы проще.

Выстрел и упавший, как срубленный, пират привлекли ко мне всеобщее внимание. Парочка особо тупых продолжила лезть на нос, но я, потратив еще два патрона, остановил их.

– Стоять! – заорал я еще громче. Горло бы не сорвать. –

Кто двинется – убью!

Поверили. Три трупа у моих ног очень поспособствовали. Оружия не опускали, смотрели зло, но не двигались. Краем глаза метрах в пятнадцати я углядел пирата, натягивающего тетиву на лук. Прицелился – очень не хотелось потратить патрон впустую – и застрелил его тоже.

«Минус четыре патрона!»

– Касан! – позвал я. – Касан! Выходи!

Не сразу, но его вытолкали из толпы. До пиратов окончательно дошло, что я тут сейчас царь и бог. И они спешили отстраниться от смертников. К которым уже причислили надсмотрщика над рабами. Логично мыслили. На кого может быть больше всего обижен внезапно освободившийся раб?

Правда, у меня на него был другой план. Опять же Терри подсказал. Я навел на бородатого парня пистолет, полюбовался секунду, как от страха его лицо сереет, и спросил совершенно спокойным голосом:

– Будешь моим помощником, Касан? Первый помощник капитана? Пятая доля добычи!

Он уставился на меня неверяще. Только что пират готовился к смерти от волшебного оружия, уже убившего трех его коллег, и тут – бац! Повышение!

– Ну, что молчишь? Согласен? Или мне другого поискать?

Бедняга сперва закивал, а потом отрицательно замотал нечесаной своей башкой. Первое, видимо, означало согласие на должность, а второе – отрицание поиска замены.

– Тогда принимай командование! Приготовить еду, пожрать и готовить галеру к выходу!

И добавил, обращаясь к ученому:

– Ваш выход, Терри.

Тоже запланированный акт. У меня с произношением было очень плохо, а для финальной части плана требовалось, чтобы пираты все поняли. Без разночтений и вариантов. Поэтому ученый с его лучшим владением языка взялся рассказывать морским разбойникам, что их жизнь кардинально не изменится. И что, как и планировалось, они отправятся вместе с награбленным, на которое никто не претендует, домой. А еще, что я могущественный колдун и мой данган очень большой.

Сам я подозвал к себе Касана. Не убирая пока пистолета. Он приблизился, опасливо улыбаясь.

– Умный! – высказался он.

– А ты как думал?! – ответил я на родном языке. И добавил на местном: – Рабов расковать. Дать еду. Дать одежду. Привести ко мне. Говорить буду.

Глава 7

Мятеж на корабле пираты подняли к вечеру второго дня. Мы как раз искали место для ночной стоянки, шли впри-тирку к берегу, когда они решили убить белого колдуна. Меня, то есть.

Я был начеку. Ждал такого развития событий. Даже удивился бы, кабы мои «колдовские способности» пираты не решились попробовали на зуб.

Действовали они продуманно, но неграмотно. Один приблизился к нашему с Терри месту, якобы проверяя стыки между досками борта. Ремонтник такой! Другой как-то интересно тянул веревку от паруса, чтобы тоже оказаться в трех шагах от нас. Еще двое делали вид, что треплются о чем-то своем, расположившись поблизости. Всех четверых выдавали напряженные лица и готовые к броску тела. Лучше бы один рядом оказался, напрыгнул и драку завязал, а остальные как раз подоспели. Тогда был бы шанс против человека с огнестрелом. А эти олухи устроили народные гуляния по палубе, чем меня только насторожили.

Недовольство сменой власти было не настолько сильным, чтобы толкнуть пиратов на мятеж. С этим они смирились меньше чем за час после переворота. У меня лично сложилось впечатление, что подобное в их мире редкостью не было. Да и, если подумать, для них лично ведь ничего не изме-

нилось! Плынут домой, добычи полный трюм, а кто приказы отдает – дело десятое.

Расстроило их мое решение по рабам.

Я их освободил и ввел в команду. Несмотря на все возражения профессора и его предостережения.

«Образ мыслей этих людей не примет подобного! – говорил он, имея в виду пиратов. – Рабовладение – часть их жизни!»

А мне было плевать! Примут, куда денутся! Рабство не должно существовать! Я не собирался мириться с несправедливостью ни в своем мире, ни в чужом! Сам побыл рабом пару месяцев, не с чужих слов понимаю! И я не собирался оглядываться на доводы Терри. Все эти его «ментальность», «обычай», «образ жизни» и «культурная среда». Вот вроде умный мужик, такого бы в Движение, а элементарных вещей не понимает! Не должен один человек из другого скотину делать!

Даже если рабство в этом мире существовало вполне законно! Со слов Касана, в невольники попадали пленные, должники и иноземцы, как мы. В рабство даже можно было продаться добровольно, заключив контракт на определенный срок! В городе, который был родным для моего «первого помощника» и звался Тинджи, имелся даже самый крупный рынок невольников. Он сказал об этом с этакой гордостью за свою родину. И, вторя ученому, не преминул вновь поднять вопрос об освобожденных гребцах.

– Так нельзя, Серт-ар! Эти рабы – тоже добыча. Мы их взяли в бою! Хотели продать тех, кто выживет. А ты забрал добычу у команды. Воины злятся!

Воины, подумать только! Но вот так они себя и называли.

– Бывший раб сейчас командует воинами. Их не злит?

– Ты взял свободу силой! Убил капитана. Ты свободный по праву. А они не твоя добыча. Ты их освободил. Люди недовольны!

– Переживут! – махнул я рукой. Сила на моей стороне. Хотя пистолет, понятное дело, осторожности не отменял. «Своей» команде я не верил.

Грести я определил всех по очереди. Разбил свою команду: и пиратов, и бывших рабов, – на две смены. Не включив в них ни себя, ни Терри – не хватало еще быть удушенным в трюме после освобождения. Пираты пороптали, а вот бывшие рабы отнеслись с пониманием – работали ведь на дорогу домой! Да и жили мы не рвали, больше старались парусом ветер ловить, а за весла брались только на встречном ветре или штиле.

Парусное вооружение у них, кстати, было совсем уж примитивным. Прямоугольник холста, закрепленный на поперечной рее, да с десятков веревок. Управлять таким было несложно даже для меня, получившего от Касана пару уроков. Понятно, почему на веслах ходили.

А еще я обратил внимание, что побережье, вдоль которого мы сейчас двигались, было пустынным. Пальмовые рощи,

скалы, пляжи и никаких поселений. Ни рыбацких деревенок, ни городов. Пустая земля. Ученый, тоже заинтересовавшись этим, как он выразился, феноменом, затеял длительный разговор с бывшим надсмотрщиком.

– Люди живут в городах, – ответил тот. Таким тоном, будто все об этом знают. – Стены защищают от врагов! Жить так, без защиты, просто на берегу, опасно!

– А те, кто выращивает зерно и скот? Они где живут?

– В селениях поближе к городу! Если придут враги, они успеют спрятаться за стены.

– И часто приходят враги?

– Большим числом – нет. Сколько может выставить город? Две руки кораблей. Два по две руки воинов на корабль. Это мало, чтобы взять город. Пожгут посевы, соберут все, что не забрали селяне, и уйдут. А вот если рука городов объединится против одного, тогда да. Могут взять. Но такое редко случается.

Со счетом у Касана было плохо. Все, что выходило за размеры двух рук, именовалось им «много». Но суть его рассказов я улавливал.

Выходило, что здесь живут городами. И стоят они в основном на побережье, но значительно западнее этих мест. Все, как у нас в древности, со слов Терри. Государств, как таковых, нет, но есть временные союзы между городами. Их пират назвал штук пять тех, в которых сам побывал, но были еще «там далеко». Меж собой они воевали нечасто, зато

активно торговали. Зерном, тканями, металлами, красками. И рабами. И вот на этой торговле и грели руки наши пираты.

Мятежа я не боялся и был к нему готов. Что бы там ни говорил ученый, я предпочитал действовать жестко. Вычленив самых наглых и недовольных и кончить с ними разом. Остальные сразу же станут шелковыми и до населенных мест головы не подымут! По крайней мере, десять раз подумают, прежде чем что-то затевать. Терри повздыхал над моей «кровожадностью», но согласился. Практичный он был мужик! Несмотря на все свои умствования.

Пираты напали на нас вразнобой. С учетом того, что я и Терри были к этому готовы, вышла не драка, а натуральное избиение. Ученый встретил своего противника красивым хуком, от которого бедолага поплыл. И прямым в челюсть был выброшен за борт. Ремонтник и двое болтунов кинулись на меня и схлопотали по пуле – я не собирался рисковать в ближнем бою. Да, патронов было жаль, но куда жальче было бы сдохнуть и оставить дикарям свое оружие и неиспользованный боеприпас.

Остальные пираты, находящиеся на палубе, но не принимавшие участия в мятеже, замерли. Они, без сомнения, знали о намерениях товарищей, но действовать предоставили им. Обычное дело среди бандюков! Победили бы мятежники – поздравили бы с победой. А так...

– Ну что? – рявкнул я. И торопливо вставил последнюю обойму – трех оставшихся патронов могло не хватить, если

остальные попрут. – Есть храбрые?

И бросил взгляд на Александра: толмач, давай!

– Мы можем перебить всех. Плыть до городов с бывшими рабами. Медленно, но безопасно, – дополнил меня профессор. – Смиритесь уже.

И они, разумеется, смирились. Ничего удивительного. Вот только, надолго ли?

После неудачной попытки мятежа Касан постоянно крутился рядом с нами. Как бездомный пес, которого покормил случайный прохожий. То ли подчеркивая свою благонадежность, то ли с командой у него не ладилось после внезапного повышения. Может быть его даже подозревали в том, что он помог нам освободиться от цепей и убить колдуна? Если верно было последнее, надо бы за ним присматривать повнимательнее. Не то чтобы пирата было жалко, но он единственный шел с нами на контакт добровольно. А для чужаков в мире это сродни подарку.

– Вот хорошее место для ночевки! – крикнул «первый помощник» пристально наблюдавший за берегом и углядевший небольшую бухточку. – Там может быть ручей!

Ручей действительно обнаружился. Как и достаточное количество плавника для костра на берегу. Место действительно хорошо подходило для ночевки. Вытащив и закрепив на берегу наше судно, мы занялись хозяйственными вопросами. И незаметно, но совершенно естественно разделились на два лагеря: мы с рабами и Касаном на корабле и ближайших

к нему подступаях и остальные пираты чуть поодаль на берегу.

– Не доплывем мы с ними никуда! – высказался Терри, когда мы поели и устроились на носу поговорить. – Прирежут нас, как только отвлечемся. Пока везет, но долго такое не длится.

Я кивнул, соглашаясь с ученым. Специально на рожон лезть они не будут, но вот если подвернется оказия – случая не упустят. А она подвернется. Просто невозможно находиться начеку в абсолютно враждебном окружении.

– Предлагаете с ними кончать, профессор? – спросил я. И мысленно пересчитал оставшиеся патроны.

– Ну что у вас за решения такие радикальные?! – возмутился тот. – Вы готовы вот так запросто перебить больше десятка человек?

– Пиратов и рабовладельцев, – спокойно поправил я. – Да. Готов. И не надо такие глаза удивленные делать, Терри. Я не кровожаден, это просто вопрос выживания. К тому же никакой ценности для нас они не представляют.

– Я вам поражаюсь, Серт! Так спокойно говорить о групповом убийстве! Нет, я понимаю вашу логику! Не нужно мне в очередной раз приводить ваши доводы! Если отбросить в сторону соображения морали, она безупречна. Но что за человек вы тогда станете, без морали?

– Все у меня в порядке с моралью, профессор. Она отличается от вашей, вот и все! И давайте сменим тему, пока у

нас опять не начался богословский диспут! Вы говорили про опасность нахождения в компании с нашими бывшими хозяевами. Вот и излагайте идеи, раз уж заикнулись об этом.

Терри некоторое время молчал. Я уже стал привыкать к этой его манере подбирать для собеседника слова попроще, чтобы он мог их понять. Будто сомневался, что его доводы примут, если он вывалит все сразу. Подозреваю, что он это делал не только для меня, слишком уж походило на давнюю привычку.

– Можно отплыть без них.

Мне захотелось рассмеяться ему в лицо. Ну вот что за люди такие?! Мораль еще приплетают, на жалость дают! Убить десяток людей сразу – чудовищно и жестоко, а вот оставить их на пустынном берегу вдали от обитаемых мест – это тогда что? Милосердие? Да они же гарантированно здесь сдохнут! Только не от пули, а от голода или ран!

– И как вы это представляете? Мы у них на глазах стаскиваем корабль на воду, а потом отплываем? А если они будут мешать?

– Ну почему же, – собственная двойная мораль профессора совершенно не волновала. – Вместе стаскиваем корабль, а потом высаживаем их на берег под дулом пистолета. Оставляем немного припасов, какое-то оружие и отплываем. Не думаю, что они будут сопротивляться.

Я тоже так не думал. Сойдут на берег как миленькие. В скорости хода мы, конечно, потеряем, но это приемлемая

плата за относительное спокойствие. В плане профессора меня ничего не смущало. Разве что очень хотелось доказать, что его милосердие имеет такую же кровавую цену, как и вариант со стрельбой. Не то чтобы я действительно собирался положить десяток человек просто так, хотя, если придется, сделал бы это, не задумываясь. Но хотелось открыть ему глаза на двойную мораль. Аж свербело внутри, так хотелось!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.